

Михаил
Попов

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

♦ Что такое киноязык? Спросила у меня на одном семинаре начинающая рассказчица. До этого мы говорили о «Крестном отце», я настаивал на том, что в определенном смысле трехсерийный фильм Коппола, это сицилийский «Тихий Дон». Кстати, и лучшая наша экранизация С.Герасимова тоже трехсерийная. Семинаристы не спешили восхищаться моим утверждением, даже шутка, мол, что главных героев фильма, и отца, и сына, можно было бы назвать «тихий дон Корлеоне», оба стараются говорить очень тихо, никого не убедила. Так все-таки, приведите пример киноязыка. Я напомнил сцену, где скрывающийся на Сицилии Майкл гуляет со своей невестой. Первыми вслед за этой парой следуют с полдесятка пожилых теток, а уж за ними телохранители Майкла с обрезами. Честь на Сицилии дороже жизни, говорит данная кинофраза.

♦ Очень бывает интересно разобраться, почему не нравится та или другая книга. С детства терпеть не мог «Над пропастью во ржи». Почему она раздражает сейчас, понять легче. Понятно, что в нынешнем моем возрасте претензии Колфилда к миру взрослых кажутся надуманными, придирочными, я уже успел понять, что юность часто бесчеловечна и безжалостна, слабость для нее главное преступление. Но тогда, когда я сам был тинейджером, почему тогда не оставляло ощущение выдумки, обмана, подтасовки. Книга эта основана на тактике подкупа. Меня подкупали как представителя конкретной возрастной группы. Есть книги приятные для сердца шахтеров, милиционеров, норвежцев, или групп более широких. Например «Код да Винчи» написан, чтобы польстить женщинам, сейчас это самое то. И поглядите на тиражи.

Эзлинджер польстил юнцам. Он говорит, что одним тем фактом, что тебе 15 лет, ты уже автоматически прав во всем, что касается отношений с родителями, учителями и вообще взрослыми. Механизм лести вообще груб по своему устройству. И только потому, что тонким ему быть и не надо, если он работает в самом примитивном исполнении.

- ♦ Подлинная демократия, это когда судят победителей.
- ♦ Если тебе не сопутствует удача, значит, торжествует справедливость.
- ♦ Есть «артериальные» народы и «венозные».

Окончание. Начало в № 4

◆ Это посильнее чем «Девушка и смерть».

◆ Вообще, детская пора, как пора ослепительного счастья, момент очень спорный. Наверно, есть люди, которые могут сказать о своем детстве так. У многих детство ужасно. Достаточно посмотреть в выгребную яму нашего телевидения, сколько там копошится брошенных, отнятых у родителей, проданных и вообще вышвырнутых в мусорные баки детишек.

Но я сейчас не об этом. Ни об «ужасах статистики», ни о «свинцовых мерзостях жизни». Среднее детство. Вот как мое. Наполовину сирота, но сиротство не давящая тема, много и солнечного в воспоминаниях о детских годах. Другое занятно, как много в детстве таком, среднем, не искалеченном, не забалованном, страшноватых моментов. Связанных не с внешними причинами. Приступы какой-то непонятной жестокости, яростного расизма, как мы в восьмилетнем возрасте доводили у нас в поселке татарченка «свиным ухом», когда полу пиджака перехватываешь за угол, и еще куча всего. Именно взросление лечит многие исконные детские пороки.

В идеальном государстве, если вы видите, что взрослый наказывает ребенка, то кидаться надо на помощь взрослому. В идеальном государстве. Их слава Богу не бывает.

◆ Если планету засыпать изданиями «Гамлета», но на планете не будет ни одного человека, можно ли будет считать пьесу «Гамлет» существующей? Ведь она никем не прочитана и не увидена. А церковь будет существовать, даже если не будет ни одного человека.

Иван Петрович Сидоров может войти в царствие небесное, а Россия не может туда войти. Но Иван Петрович Сидоров может войти в царствие небесное, если отдаст жизнь за Россию.

◆ Сопротивляться таланту невозможно, одолевает обаянием.

◆ Если истина с Христом, то я остаюсь с Христом, а не с истиной. Это, в общем-то, не Достоевский говорит. Шатов напоминает эти слова Ставрогину, как некогда сказанные им, а Ставрогин не очень-то соглашается их признать своими.

* * *

Как-то раз пессимист из Джанкоя

Рассказал мне под рюмку такое...

Я проснулся – дрожу,

места не нахожу,

Все забыл я, и нет мне покоя.

◆ В Германии была олимпиада и в России была олимпиада, значит в России фашизм. Бешеной силы силлогизм тех, кто говорит, что фашистская Германия и СССР близнецы-братья. Но тогда фашизм был во всех странах, где была хоть какая-то олимпиада. Если у табуретки четыре ноги, она должна как корова давать молоко?

◆ Революция социальных сетей. В этом хотят видеть что-то неслыханно небывалое, новое, обнадеживающее. Во-первых, не знаю почему, но мне это почему-то сильно напоминает панику в обезьяньей стае. Кто-то увидел опасность и поднял

шум, вот и вся стая уже пришла в движение. Теперь о технической стороне дела. Прочитал как-то в романе про конец девятнадцатого века разговор двух, говоря нынешним языком, террористов. Один говорит другому, теперь все будет по-новому. Нам не надо устраивать встречи на конспиративных квартирах, паролей, шифрованных писем. Появилось изобретение – телефон, позвонил напрямую кому нужно, и никакого риска. Подслушать невозможно. Вера в то, что интернет дает только возможности проявления свободолюбия и не рождает тут же способов еще более изощренного контроля, по-моему, наивна.

♦ Очень часто по телевизору показывают жуткий кадр времен последней войны, бульдозер сваливает в яму кучу высохших от голода человеческих трупов. В этот момент я, как никогда остро, знаю, что Бог есть. У «такого» должно быть какое-то объяснение и разрешение в чем-то и где-то. Без Него это невозможно. Верую, ибо столь ужасно. А где был Бог во время Освенцима? В Освенциме и был.

♦ Алкоголик – человек невыносимый и в трезвом виде.

♦ Система образования. Кто умный, хоть и циничный сказал: «Если на образование тратить меньше двух процентов бюджета, не работает никакая система. Если тратить больше шести, работает любая».

♦ Если посмотреть на избирательное право, то вдруг станет заметно, что оно ведь не монолитное, а составное. Оно делится на право избирать и быть избранным.

Даже право избирать, есть не у всех. У сумасшедших, у преступников, у детей его нет. У женщин в таких странах как Италия или Испания появилось только после второй мировой войны, а в начале двадцатых его не было даже у англичанок.

Но право быть избранным намного интереснее. Очевидно же, что не все граждане равны перед этим правом. Один богат, другой беден. Богатый покупает голос бедного. Даже на выборах вождя бомжей в нашем дворе победит тот, у кого есть в данный момент бутылка водки.

И совсем уж интересно, что всеобщие выборы не есть признак государства с демократическим устройством. Конечно, если мы хоть немного еще доверяем Аристотелю. Всеобщие выборы любимое развлечение олигархов. То есть богатые соревнуются, кто умелее свои деньги обратит в чистую власть.

При демократии должностные лица выбираются с помощью жребия. Так у Аристотеля. Где-нибудь вы видали такие жеребьевки?

Американцы хоть честны. Их коллегия выборщиков президента это всего лишь представители олигархов с мест, которым вменено их влиятельными шефами проголосовать за нужного человека в Вашингтоне. Американцы откровенно перед всем миром выбирают власть олигархическим манером, а повсюду продвигают демократию. Себя от применения ее они старательно ограждают.

♦ Режиссерская проза – Данелия, Соловьев, Кончаловский, Коренев о Рязанове, сам Рязанов.

♦ Вавич против Швейка. Надо бы их выпустить как Пересвета против Челубея.

♦ Музиль очень хороший писатель, но в одном месте он меня возмутил. У него есть длинный пассаж про Каканию, то есть про Австро-Венгрию, он всячески ее поносит, но в конце пассажа замечает, что она настолько дрянная империя, эта Какания, что даже на конкурсе плохих империй не смогла занять последнего места. Оказалась еще одна, хуже нее. Имеется в виду, несомненно, империя Российская. В каком-то смысле, может быть, романовская империя и была хуже габсбургской, только вот в войне она габсбургскую победила, к тому же, можно сказать, что победила с разгромным счетом. И если бы не немцы...

♦ И Кундера хороший писатель. И я даже могу понять, почему и за что он так не любит Россию. Но клеветать все равно ему не стоило бы. Я имею виду то место, где он поносит русских солдат, которые ведут себя не слишком-то культурно в культурной Праге, и замечает, откуда, мол, этим дикарям набраться лучших манер, если они только здесь, у нас, увидели красивых женщин, а прежде отродясь не видали.

♦ Агата Кристи дает хороший совет девушкам на выданье: выходите замуж за археологов. Чем вы будете становиться старше, тем ваши мужья будут относиться к вам с большим интересом.

♦ Ночевала тучка. Чеченцев выслали в 1944 году около двухсот тысяч. Вернулось их из ссылки почти в два раза больше. К моменту начала дудаевской войны чеченцев было в стране больше миллиона человек. Геноцид по-русски.

Психология растущего народа на личный уровень переходит как вера в собственное бессмертие. Количество русских уменьшается, их количество растет. Относительные цифры в психологическом смысле важнее абсолютных. Война начинается в постели. Чеченка перерожала русскую.

♦ Саша Ш. казахстанский немец живет Германии, соседствует и дружит с чеченцем, очень образованным человеком, специалистом по французской поэзии. Маллармэ, Верлен, Рембо и т.д. Человек очень тактичный, воспитанный, аккуратный. К нему несколько раз приезжали родственники из Чечни, настоящие горские чеченцы, как у нас говорят «от сохи». Саше показалось, что сосед их вроде как немножко стесняется. Специалист по французской поэзии вежливо объяснил ему: что бы не случилось, в любой ситуации, он будет на стороне своих горцев, а не на стороне Маллармэ.

♦ Аристотель в своей «Политике» пишет: «Тех же граждан, которые во время гражданской войны не занимают ничью сторону и уклоняются от участия в распре, следует изгонять из полиса». Если короче сказать и по-русски: «В огне брода нет».

Вспоминается в этой связи одна апокрифическая история. Один мореход набрел в океане на странный остров, населен он был свиньями с человеческими лицами. Что это с вами? Спросил он. Свинолюди говорят: – Мы во время Армагеддона заняли нейтральную позицию. Старались быть объективными.

И как тогда относиться к китайскому представлению о мудрости, которую воплощает обезьяна, наблюдающая с дерева, как дерутся тигр и медведь?

♦ Посетители так рвались на выставку Серова в Третьяковку, что сломали двери. Традиционная культура возвращается и она в ярости. Спасибо Марату

Гельману, хотя он никогда не поймет и не признает, что во многом это реакция на его пермский модернизм. Модернизм так упорно и нагло навязывали этой стране, что другой реакции и быть не могло.

♦ Чем Европа может ответить сексуально озабоченным мигрантам? И вообще, как она смеет что-то отвечать. Полностью адекватным ответом был бы только гей-парад перед Кельнским собором в ту ночь, когда там резвились горячие сирийские и африканские парни. Вот интересно было бы посмотреть, как мигрантские толпы в моральном ужасе разбежались от этой красоты и мощи.

♦ Непонятно, почему немцы возмущаются, что их женщин лапают. Сами ведь долго добивались, чтобы женская честь особой, специальной ценностью в современной Европе не считалась. Подать пальто женщине, это унижить ее; вступиться, когда ее насилуют, ведь это, в принципе, крайняя форма того же самого.

♦ Известный китаист Владимир Малявин интересно пишет о том, какую роль играет голос в даосской традиции. «Существовала техника, которая переводится как техника свиста. Речь идет о полной возможности голосовых связок. Этим горловым свистом можно было поражать людей на расстоянии. Древникитайский даосский поэт Жуан Ди отправился в горы на поиски даосского отшельника и стал расспрашивать его о Дао, тот в ответ ничего не говорил. Пришлось Жуан Ди поклониться даосскому отшельнику и уйти, как у нас говорят «не солоно хлебавши». Но когда он спустился наполовину с горы, услышал громовой свист, который раздался сверху. Такой, что все деревья облетели, эхо покатило по ущелью. Это даосский отшельник ответил поэту что такое Дао».

Через это «не солоно хлебавши» Малявин невольно вводит свистящее чудище в правильный, древнерусский контекст, и мы сразу же понимаем, что речь идет о Соловье Разбойнике. И подумаешь тут, «кто это у них там разбирается в Дао и зачем?».

♦ Бесплезно размышлять над тем, что такое счастье, и вообще бывает ли? Отвечать надо с налету, с перепугу. Спросил как-то молодой, серьезный парень, из тех, что тебе не слишком интересен, но почему-то уважаешь. Отшучиваться было нельзя, и я брякнул: «Для счастья нужно как минимум два условия: чтобы жена и любовница были одним человеком, и еще совпадали увлечение и способ заработка». Другок серьезного парня спросил у него вдруг из-за плеча: «А что самое важное в женщине?» И тут уж я брякнул, убивая всю достигнутую положительность и серьезность: «В женщине самое главное – «четное число ног».

♦ Литературный критик и литературовед.

Очень разные профессии, хотя предмет изучения практически один и тот же. Если взять аналогию из медицины, то литературовед ближе к патологоанатому, а критик к врачу. Патологоанатом получает «тело», по поводу которого уже вынесено компетентное решение – заслуживает вскрытия. Он и вскрывает. И находит камень в печени, или в желчном пузыре, отложение солей в левом колене и т.д. Задача критика совсем другая, он работает чаще всего с больным литературным организмом, и даже находящемся на последней стадии издыхания. И главная его задача заключается в том, чтобы определить: будет жить или нет. Критик рискует ошибиться, но при этом, и интереснее литературоведа. Литературоведа максимум можно уважать. Критика стоит побаиваться. Репутация литературоведа склады-

ваются годами, репутация критика может рухнуть почти в одночасье – несколько заведомо продажных статей, и он незаметно для себя оказывается в подвале.

♦ Хвалить китайцев за изобретение шелка, все равно, что хвалить норвежцев за изобретение семги.

* * *

Как-то раз молодой подполковник
Заманил даму сердца в шиповник,
Изгибалась она
И шипела она:
– Милый, ты настоящ-щий полковник!

♦ Рифма. Иван Жданов: «рифмовать плохо – законное право графомана»
Набоков. «Писать по-русски не в рифму все равно, что играть в теннис без сетки».

Бродский воскликнул, не сдержался, когда при нем, очевидно, в сотый раз, захлеб хвалили Мандельштама: – Он же плохо рифмовал! А и правда, плохо: «Лениград, Ленинград, я еще не хочу умирать». Или наоборот: «Ленинградь, Ленинградь, я еще не хочу умирать». Но стихи-то сильные. Вообще, в каком соотношении находятся качество стихов и качество рифм? Мандельштаму можно рифмовать небрежно. Только не надо выдавать это за достоинство.

♦ Или вот, писание без знаков препинания. Можно, сколько угодно, только вот зачем? Можно, например, поставить себе задачу – писать без заглавных букв или без букв «Р» и «У».

Нынче это беспрепятствие, конечно, играет роль не просто выразительного средства, это что-то из сигнальной системы второго рода, подмигивание своим, смотрите я ваш, я не ставлю запятых.

То же самое – мат. Ну, как джинсы в свое время. Часть процедуры опознавания «свой-чужой». И самозащита, конечно. Матюки играют роль тепловых ракет, выпускаемых вертолетом над территорией талибов. Критиковать автора станут за то, что у него в тексте нецензурная лексика, а не за то, что стихи сами по себе плохи.

Матерись, и никто не посмеет сказать, что ты неталантлив, потому что все будут кричать, что ты хам, разрушитель великого и могучего, а критикуемый с этой стороны, автоматически чувствует себя прогрессором.

Прежде для меня было совершенно очевидно, что всякое новшество в литературе, если оно позволяет автору снизить количество усилий при производстве работ, облегчает жизнь сочинителю – дрянь.

♦ Ты сидишь дома, читаешь или вообще спишь, а твоя репутация шляется по городу и творит там черт те что.

♦ «Советская литература: Джек Лондон, Жюль Верн, Александр Дюма, Марк Твен, а антисоветская: Войнович, Синявский, Аксенов и т.д.

♦ Люблю слушать или истории отлично придуманные, например, про грабителей, что вставили в дупло зуба больному богателю микроприемник и мучали его, посылая одну радиофразу – положи деньги в дупло старого дерева! У него

от этого гром в голове, и не понять – откуда. Или житейские истории. Какую бы обыкновенную, в общем-то, фабулу не излагал человек, если видишь, что он не врет, то очень интересно.

♦ Главный аргумент за то, что не безграмотный актеришка Шакспер написал все эти гениальные пьесы, была как раз его безграмотность. Мол, и Бекон, и Сагутгемптон, и другие, прежде всего, отличаются образованностью. Но вот в третьем акте «Зимней сказки» говорится, что действие развивается в Богемии, и она, Богемия, расположена на берегу моря. Такое «знание» географии более подходит безграмотному Шаксперу, чем всем подразумеваемым Беконам.

♦ Klemens по латыни, по крайней мере, значит – милосердный. Марк Твен не захотел носить такую фамилию. Сатирический писатель и милосердие, две вещи несовместных. Какая, в сущности, злобная глупость – «Янки при дворе короля Артура».

♦ Часто слышал, что вот Басинский написал хорошую книгу о Толстом. И сразу вслед за этим звучало странное название «Бегство в Израиль». Вроде бы я точно знал, в Израиле Лев не был, хотя сейчас такое вдруг откроют. Потом моя слуховая галлюцинация разъяснилась – «Бегство из рая». Правильное название тоже хорошее, но старого все же немного жаль.

Похожий случай был у меня еще и с хорошим питерским писателем Павлом Крусановым. Написал он когда-то книгу под названием «Где венку не лечь». Немножко пафосно, но в общем вполне. Но со слухом у меня уже тогда был не порядок, и я услышал так: «Где Венкуне лечь?» Возник сам собою образ странного существа по имени Венкуня, что-то вроде чебурашки, но любителя побездельничать. Общеизвестно, как трудно создать интересный, пусть и сказочный, характер, и я искренне завидовал Крусанову. А потом узнал правду. И правда убила замечательное существо.

♦ Ганнибал всегда у ворот.

♦ Телепередача о царевне Софье. Мол, была просвещенной, знала языки, готовила реформы покруче, чем отмена крепостного права, замена натуральных податей денежным налогом и т.п.. Петр взял и все исковеркал. И в разговоре проскользнуло от одного кандидата наук, что она де оболгана в талантливом, но подлом романе Ал. Толстого «Петр Первый». Романе, написанном по прямому указанию Сталина. Мало того, что Толстой противостоял этим указаниям, хотя бы тем, что роман-таки и не дописал, не захотел идти в ту сторону, в которую его склоняли пойти. Забавно другое, Петр в этой телебеседе вдруг стал реинкарнацией Сталина. Переселение душ в прошлое. Сталин выглядел предшественником Петра, да и Ивана Грозного. Сталин, оказывается, сидит в душе русского народа глубже этих жестоких, хоть и дельных, царей.

Ленин по отношению к организму русского народа, как вирус, может заразить и убить. Сталин, часть гено типа, вроде как и не болезнь, а врожденное свойство.

♦ Талант – брат краткости.

♦ Вообще, забавны эти споры из-под полы сослагательного наклонения. Ругатель, хоть того же Петра, берет его «петровское время» со всеми его реальными

глупостями, с кровью, грязью, поблескивающими между ними мелкими успехами и сравнивает с тем «что могло бы быть, если бы», и это «если бы» у него всегда в абсолютно идеализированном виде. На территории сослагательной истории все получилось, все законы приняты вовремя, все министры не воры, население стопроцентно и повсеместно отринуло косность, никто ниоткуда не напал. Всегда такой «мыслитель» сравнивает реальное с идеальным и радуется, как ребенок, когда идеальное в его изложении выигрывает у реального.

Ну, кто бы при той же Софье делал бы реформы? Василий Васильевич Голицын? Так он показал себя в южных походах. Петр, да, угробил армию в Бессарабии, да и Голицын угробил свою, не дойдя до Крыма. При Софьином дворе, единственно, что можно сказать уверенно, было бы больше французов, чем голландцев. Но ведь Голландия, а не Франция на тот момент была самым передовым государством. И откуда уверенность, что реформы Софьи, пусть даже по совету самых передовых западных экономических умников, не обернулись бы дичайшим адом, куда злее того, что навязал России ярый Петр.

♦ История, насколько можно судить, даже бегло ознакомившись с какими-то книгами, есть череда несвершенных начинаний, провалившихся заговоров, не воплощенных планов.

На любую «Барбароссу» есть своя битва под Москвой.

И даже еще чаще бывает, что победитель сталкивается нос к носу с результатом своей реформы. Хорошо, если он только не узнает детища, чаще детище впивается ему в плотку.

♦ У поляков есть хорошая поговорка: «Бьешь по столу – отвечают ножницы». И у нас тоже самое, виноват не тот, кто убил, а тот, кто гвозди в крышку гроба заколачивал.

♦ Опять разговоры о цене победы. Ну, никак в головы этих людей не войдет, что такая постановка вопроса, просто-напросто бессмысленна. Спросите у американцев, не слишком ли кровавой была их гражданская война? Может, имело бы смысл оставить рабство так, раз за отмену придется платить кровью.

♦ Рукописи не горят? Как жечь.

♦ Интеллигент, это человек делающий гадости другим без удовольствия.

♦ Девственность – собака на сексе.

* * *

Не позволяй жене лениться,
Что б воду в ступе не толочь,
Жена обязана трудиться
И день, и ночь, и день, и ночь!

♦ Московские старушки ругаются на рынке с кавказскими торговцами – дорого. Торговцам так не кажется, потому что они включают в цену те деньги, которые они заплатили московскому чиновнику и менту за право обирать здешних старушек. Откупа. Или слегка видоизменившееся крепостное право. Помещики всегда придумывали какое-то промежуточное звено между собою и крестьянами.

Старосту, приказчика, управляющего, часто ставили инородца. Не хочется самому заниматься неприятной и хлопотливой работой. Начальник ОВД или управы, чем тебе не барин. Народ прикреплен к Москве, сердает но платит и злится, глупый, не на того, на кого надо.

♦ Какой тебе Хантингтон, вот у нас тут, прямо в Сокольниках, столкновение культур. Подрались москвич и кавказец. Наш бросается за помощью к своей правоохранительной системе – милиция, суд и т.д., кавказец к своей – земляки, связи и т.д. Даже если законная система законоохраны начнет действовать, и все будет как положено, русский проиграет кавказцу, потому что его родо-племенная система работает во много раз быстрее и решительнее. А уж если принять во внимание, что практически все элементы законной правоохранительной системы покупаются, то о чем кроме правового нигилизма, вообще, можно говорить.

♦ Пришлось мне как-то путешествовать на автобусе из Польши в Россию, в Калининградскую область. Что-то я, видимо, съел накануне, поэтому мне пришлось посещать все туалеты, оказывавшиеся по дороге. И вот что я отметил. Туалет на польском КПП был в идеальном состоянии, а на нашем, отстоявшем от польского всего на каких-то несколько сот метров, был в состоянии плоховатом. Странно, думал я, всего каких-то полкилометра, а такое различие в культурности. Неужели мы, русские, так никогда и не станем цивилизованным народом? Но тут по радио, я сидел недалеко от водителя, начали передачу о космосе, о международной космической станции, и что любопытно, как раз о системе жизнеобеспечения. Оказывается, туалет в нашем сегменте станции сделан так ловко, что все иностранцы стараются посещать именно наш туалет. Я слушал это сообщение со странным чувством. Может ли считаться данная проблема хотя бы косвенным аспектом глобальной проблемы русской души?

♦ Сарнов и Сталин.

Как этот престарелый очень литературный деятель не сообразит такой простой мысли: что бы он делал, если бы Сталина не было. Чем бы он наполнил свой трехтомник про вождя и литературу?

И еще – Сарнов, по сути, сталинист, столько он сделал для вождя народов, так прочно вписав его в историю русской литературы. Какую фамилию не вспомни – всегда первая ассоциация – Сталин.

♦ Если на секунду представить, что появилась возможность восстановить нашу советскую жизнь 60-х годов по кинематографическим образцам. Ее внешнюю сторону, фактуру, картинку, аромат, то мне кажется меньше всего для этого подошли бы фильмы такие как «Зеркало» Тарковского. Да, поразительно, талантливо, но для той странной задачи, что я упомянул больше бы сгодились «Ошибка резидента», «Берегись автомобиля», «Ирония судьбы» та же... Дома, вокзалы, квартиры, скверы, парикмахерские, автобусы, пиджаки, распивочные, магазины и т.д. Легко можно представить свое существование среди этих предметов. И ошутить уют обстановки. Но жить в «Зеркале»...

♦ Лев Толстой тоже проигрывался в пух в Баден-Бадене. Вот почему название двойное. Баден с Баденом здесь неразлучны, как у нас Толстой с Достоевским.

♦ У одного моего друга, ныне покойного, была превосходная библиотека. И

сам он написал немало хороших книг. Но всегда с особой теплотой говорил о своей единственной дочери: вот мое лучшее произведение. После смерти друга дочь продала библиотеку и купила себе «джип». Мы все переходим во что-то прочное, в пароходы в «джипы» «и другие долгие дела». И никакой иронии. Смешно же быть уверенным в том, что тебя будут после смерти читать дольше, чем время износа хорошей западной машины. Впрочем, чего это я. Мне такое не грозит. Во-первых, дочери нет, а во-вторых, моя библиотека потянет максимум на «Оку».

◆ Мысль извращенная есть ложь.

◆ Любовь сильнее смерти, любопытство сильнее страха смерти.

◆ Роман Дерсу Узала «Жизнь Арсеньева», книга таможенника Верещагина «Уходя с баркаса». Книга Гете – «Разговоры с Эккерманом».

◆ Правда часто выглядит как хамство.

◆ Битов в Кембридже. Одет очень хорошо. Дорогой костюм, даже мне, совсем не специалисту в этой области, было понятно, что дорогой. Мокасины, как и следует, на босу ногу. А в руках авоська, самая настоящая советская авоська. А в ней надпитая бутылка водки, заткнутая пробкой из скрученной газеты, и полчебурека в промасленной бумаге. Не думаю, что Андрей Георгиевич вез его специально от Казанского вокзала, но что еще остается тут думать. Что в Кембридже из-под полы торгуют чебуреками? Подкачивал себя алкоголем, однако, не из этой явно реквизитной бутылки, а из маленькой плоской фляжки, доставаемой из внутреннего кармана дорогого пиджака.

* * *

Усама бен очень ладен,
 Почти что хорош собой,
 Но во главе разных гадин
 отвратною занят борьбой.
 Людей облепив тротилом,
 Он много взорвал людей,
 Пугают, как крокодилом,
 И взрослых им, и детей.
 Вспомним о нем средь ночи,
 От страха дрожит любой,
 Меж тем, он опрятен очень
 И следит за собой.

◆ Платонов верховный вождь паровозов. Ему, наверно, было неприятно сознавать, что один из его железных друзей, замешан в гибели несчастной дворянки. А если серьезно, какая гибель была бы доступна Карениной в допаровозное время? Или они одновременно возникают в жизни, паровозы и нуждающиеся в них Анны? Татьяна Ларина ответила «и буду век ему верна», потому что не знала о существовании железных дорог.

◆ Такое впечатление, что русская литература нежнее относилась к героиням, чем к героям. Всех главных женщин русских книг мы называем по именам – Татьяна

Лиза, Анна, Акси́нья, Маргарита. И рядом: Чичиков, Раскольников, Карамазовы, Обломов. Если Андрей, то обязательно Болконский, если Павка, то Корчагин.

◆ Не уважать успех – не уважать народ.

◆ Когда Атилла вступил в Италию, ему навстречу отправился папа Лев, кажется, четвертый. В сотне миль от Рима они встретились, говорили несколько часов после этого Атилла развернулся и ушел обратно. Латыни Атиллы, подозреваю, не знал, папа не знал гуннского языка, если был такой. Интересно было бы почитать воспоминания переводчика, работавшего на этом саммите.

* * *

Как-то пьющая очень горилла
Мне тайком от друзей говорила:
«Да, народ все корит,
Пьешь ты все, что горит,
А ведь лучше бы все же курила».

◆ В парке «Сокольники» – ничком срубленный алкоголем кавказский паренек лет пятнадцати. Две женщины в черных платьях, в черных платках заботливо поднимают его, отряхивают, при этом что-то приговаривая. Смысл их речей примерно таков: зачем ты с ними, с местными, увязался пить, они, мол, привычные, а ты вон совсем еще молодой, где тебе с ними тягаться. А он еще остаточно хорохорится, не хочет признавать себя одоленным. Невзрачный, но настоящий мужчина. А собутельники-победители горланят у поваленного стола, их отряд не заметил потери вдохновенного, но не очень стойкого пока бойца. Они тоже уже ни на что не способны, кроме как пить, и завтра будут способны только на это. Может, хоть водка нас спасет. Кавказцы слишком впрямую, слишком всерьез принимают некоторые особенности нашего образа жизни, считающегося за неимением ничего другого, русским. Кавказ сопьется и развратится скорее, чем Россия, упадет ему под ноги. Долго еще будет так стоять, победоносно покачиваясь на ветру, думая, что из горла раздается могучая песнь.

◆ Железная маска. Новый сюжет по этой фавуле: Людовик 14 решил разоблачить назревающий заговор, запускает идею о собственном двойнике, скрывающемся в отдаленном замке, в придворный омут. Колеблющиеся соблазняются таким поводом. Дальше все как у Дюма, железную маску находят, он действительно брат-близнец короля, его доставляют во дворец, и при большом стечении уже ликующей знати, маску снимают. А там – урод. За время ношения маски кожа превратилась в морщинистую, нечистую тряпку.

◆ В романе «93 год» на корабле во время шторма срывается с крепежа длинноствольная пушка кулеврина и носится по качающейся пушечной палубе, сметающая, как водится, все на своем пути. Меня очень впечатлила эта картина, как бы внезапно обретшего характер большого предмета. Жутковатый характер. И, что забавно, ничего больше. Ни одной детали из этого романа мне не запомнилось. А роман, на минуточку, Виктора Гюго.

Умение описывать вещество, его собственную жизнь, встречается нечасто. «Непобедимый». Книга, где совершенно не интересны люди, автор специально оставляет их в тени. Сбоку. Драматизм в столкновении сил, в которых ничего человеческого.

♦ Поезд Архангельск – Москва, времена лигачевского закона, отъехали всего ничего, по вагону бежит веселый, но нервный проводник, ищет кого-нибудь трезвого. Зачем? Оказывается, на следующей станции – проверяющий заставит проводника дышать в трубу и выгонит с работы, если поймает на пьянке. «Помоги, брат» – предлагает проводник фуражку мне, а потом по очереди всем мужикам в нашем купе. «Выйдешь, назовешь фамилию, дохнешь, и все дела». А как мы ему поможем, если мы только что на четверых – бутылку водки. Проводник со стоном помчался дальше. Потом я видел его, он был мрачный, не нашел ни одного трезвого во всем вагоне.

♦ В магазине очередь у терминала, несколько таджичек, кажется, довольно ловко тыкают пальцем туда-сюда, закрывая какой-то мелкий должок. Для них это не столько настоящая финансовая процедура, сколько баловство. К очереди подходит и становится последним довольно еще молодой парень, тоже южанин. Одна из женщин, увидев его, говорит: «Ой, не могу, когда мужчина стоит в очереди». Парня пропустили вперед, он воспринял это как должное. Высокие отношения.

♦ Прочитал повесть писателя Сорокина «Метель». Конечно, никак тут не отделаешься от ассоциации с «Хозяином и работником». Мне всегда казалось, что справедливо бы было назвать толстовскую вещь «Хозяин, работник и конь». Конь играет у него огромную роль, вполне достаточную, чтобы получить место «в титрах». И умирает красиво, стоя, героически околевав. Так вот Сорокин, убежден, тоже ощутил здесь некую несправедливость. И сильно, изобретательно пропедализировал конскую тему. Навыдумывал каких-то микролошадок, они очень выглядят симпатично и вполне на своем месте. И я благодарен автору за эту игривость мысли.

♦ Очень меня всегда удивляют телевизионные разговоры о несчастных актерах, на долю которым выпало слишком узкое амплуа, какая-то одна узнаваемая толпой маска. Этот недоволен, что его раз за разом снимают в виде белого офицера, а этого, в качестве Ленина. А если подумать, скольким актерам, а их ведь никому неизвестных тысячи, вообще ничего не досталось. Это все равно, как если бы, человек стал возмущаться, что он вынужден всю жизнь прожить под видом Ивана Петровича Сидорова, не представляя себе даже приблизительно, сколько сперматозоидов вообще ни во что не превратилось.

♦ Англосаксонский принц Эдуард Изгнанник спасся бегством из отечества и осел при дворе Ярослава Мудрого. Это было лет за пятьсот до того, как Курбский удрал на запад. Мы раньше «них» начали привечать диссидентов.

♦ «Думал над тем, что такое искусство, понял – это игра». Толстой похож на человека отхлебнувшего воды, долго полоскавшего ею горло, проглотившего ее, и тут осененного — это вода.

♦ Во всех тех средних учебных заведениях, где преподавала моя мама, она еще дополнительно и добровольно руководила самодеятельными хорами. Чтобы меня малолетнего не отпускать на улицу, ставила в задние ряды и наказывала: – Подтягивай тихонько, что остальные поют. Ну, стою, гужу себе помаленьку, замечтался, слышу: а теперь споем «По долинам и по взгорьям», и вдруг у меня вырывается: – А я уже спел!

♦ Народ в сговоре с Чубайсом. Каждый гражданин страны получил кусок собственности. Чубайс свергал социализм, опираясь на поддержку абсолютно го большинства населения. А то, что кричали потом – Чубайс виноват, это от извечного ощущения, что нам недодали.

♦ Платонов – неандерталец. Считалось, что он певец нового строя, изображает нового человека. Все наоборот. Он старый человек. Не в том смысле, что царского режима. Значительно старше. Дикарь, восхищенный неандерталец в кабине паровоза.

♦ Брежнев и Фидель. Советская власть была лишена обаяния. На одном обаянии можно держать страну.

♦ «Часы без стрелок» Фланнери О' Коннор – казалось, что это сильный образ. Изобрели электронные часы и образ испарился.

♦ Как-то в пятилетнем моем детстве была у нас дома генеральная уборка. Я тоже хотел поучаствовать. Мне было сказано: «собери игрушки, вот твой вклад и будет». Собрал. Никогда с тех пор у меня больше не было ощущения, что я выполнил свое предназначение в мире полностью.

♦ Судьбы кораблей: «Гранма» – корабль-труп, она много месяцев пролежала на дне бухты, была поднята, отремонтирована и отвезла Кастро со сторонниками на Кубу. «Аврора» – корабль-трус. Прежде чем показать себя во время октябрьских событий в Петрограде, показала себя в Цусимском сражении. Сбежала с поля боя вместе с «Жемчугом» и «Светланой». Кстати, не проявив никакого классового нюха. «Светлана» была переделанной императорской яхтой. Будущей сигнальнице пролетарской революции не следовало бы водиться с такой компанией.

♦ Интеллигенция – конечно, тоже власть. Финансист вмешивается в жизнь с помощью денег, генерал с помощью военной силы. Интеллигенция хочет влиять на жизнь с помощью самого бестелесного агента – мнения. Частично он может материализоваться на территории власти четвертой – информационной. Когда в позднесоветские времена академик Лихачев выступал по телевизору, у меня было ощущение – член Политбюро.

Болотная площадь. Утверждают, что говорят правду, при этом врут. Никто из них не хочет свободы, все хотят власти.

♦ Зачатие ребенка, продолжение рода. Мужчина для того, чтобы включиться в этот процесс, обязан испытать оргазм, женщина может стать матерью-героиней, так ни разу и не испытав его. Вот где основная несправедливость.

Сексуальная революция, а шире любое феминистическое движение, это борьба женщин за равные права, прежде всего в постели.

Традиционные общества всегда чувствовали опасность этого равноправия. Даже шариата для тотального контроля неудовлетворенного женского чувства сексуальной справедливости мало. Африканские арабы просто калечили своих девушек, удаляя им «источник наслаждения».

При нынешних методах и нравах женщина получила возможность сравняться с мужчиной по части прав на извлечения удовольствия из своего персонального

тела. Выяснилась одна тонкость. Борьба за равную долю в постели, парламенте, потом армии, науке, оказывается, прикрывала собой борьбу за главное мужское право – не рожать. В самом деле, недобор оргазмов у женщин часто возникал не по вине особенностей той или иной сексуальной культуры, или фактической фригидности, а ввиду того, что женщина почти все время в традиционных обществах была беременна. Так что лечим фригидность, вводим в употребление кама-сутру, и главное – делаем немодным деторождение. В мире воцаряется справедливость.

Не полная.

Если бы при этом, удалось найти способ, чтобы мужчины могли вынашивать и рожать, вот тогда можно было бы говорить о справедливости и равноправии. Подлинная победа над подлым, в общем-то, сексизмом.

◆ Есть разрешенная литература, говорил Мандельштам, и не разрешенная. Упрощение, и сильное, реальной ситуации. Есть еще заказная. Импровизатор у Пушкина. Почему импровизатор итальянец? Итальянская культура заказа во времена Возрождения была очень разработана и очень способствовала массовому производству шедевров.

Вот почему-то герцоги знали, что надо приглашать Микеланджело и Рафаэля. Или нам просто все старые, дожившие до наших дней скульптуры и картины кажутся гениальными.

◆ Император Константин крестился на смертном одре. При крещении отпускаются все грехи. Править, значит грешить.

◆ Если бы «Гренаду» написал В.Сорокин, то последняя строка звучала бы так: «И мертвые губы шепнули «Говна».

◆ В США живет примерно 6 процентов мирового населения, а тратят они на себя примерно 30 процентов мировых ресурсов. Планета кое-как справилась с этой диспропорцией. Но что будет, когда все китайцы захотят жить, ну если не как американцы, а хотя бы вполовину так. Они по всему миру хапают разные месторождения на всякий случай, про запас. Ведут себя как русские по отношению к Сибири. Там ведь до сих пор мало что освоено по-настоящему. Просто склады пространства. Мы как сторожа, только и глядим – кто зарится?!

◆ Книжный рынок в «Олимпийском». Разгружают фуру с книгами. Худой парень тащит на руках целый небоскреб бумажных пачек с товаром. Ноги подгибаются, глаза выпучены, катится крупный пот. На пачке наклейка, успеваю прочитать: Миронов «Иго иудейское».

◆ И на Пушкине есть пятна. Всегда считал, что во фразе «откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро», надо заменить союз. «И» лучше, чем «иль». Читаешь, прихлебываешь.

◆ Д'Артаньян вечно скачет в Англию за подвесками. Роман рассказывает о событиях, которые происходят всегда. Газета рассказывает о событиях, которые произошли недавно. Телевидение рассказывает о событиях, происходящих в настоящий момент. Следующий шаг: организовывать события там, где уже есть камеры. Очень может быть, что со временем это станет проще и дешевле.

чем гоняться за новостями. Расстрел Белого дома в 1993 году, камеры СНН так долго стояли на «Украине», что просто невежливо было бы не пальнуть пару раз по злостному парламенту. И важно, что именно на «Украине» нашлось место этим камерам. Какая-то форма расчета за газ.

♦ Крестьянин торгует плодами своего труда. И он всегда беднее перекупщика. Большой торговец (торговая сеть) всегда богаче перекупщика. Тот, кто торгует деньгами, банкир, богаче того, кто что-то производит или торгует продуктами. Торгующий информацией, особенно инсайдерской, зарабатывает еще легче банкира, и не рискует совсем. Продвинуть ситуацию можно только в одном направлении: улучшить методы работы с информацией. Фактически Гейтс и Джобс производят не столько средства связи, сколько новые деньги. Но самые большие прибыли дает торговля стандартами. Американцы в конце концов все равно наверху, потому что весь мир инфицирован стандартами их образа жизни. Именно американский дом, американский фильм, очень многие хотят жить по-американски, и платят скорее не за продукт уже, а за образ. И оказывается – в конце концов, это дороже всего.

♦ Когда-то моя мама была комсомолкой, она очень любила петь Интернационал. Не все слова этой песни были понятны, причем камнем преткновения было не иностранное слово, а наоборот торжественно русское – воспринет. В результате одна из строчек звучала так «Воз пряников в рот людской». Так, по-моему, намного понятнее и вкуснее.

♦ Солипсизм. Беркли утверждал, что в мире нет ничего кроме его ощущений. И ему долго позволяли настаивать на этой точке зрения. Но нашелся один и спросил: а английская королева? Почувствовав угрозу, епископ тут же ответил, что мире есть только две вещи: «Мои ощущения и английская королева»

♦ Если имеет крупицу веры – скажет горе – съедь в море, она съедет. Но Сталин получается тоже вроде как святой, он издает указ, сотни тонн вещества в виде человеческих тел, отправляются, «съезжают» в лагерном направлении. Сталин «верит», что его воля будет выполнена, и она выполняется.

♦ Сталин погубил много народу, но странным образом население страны за время его правления выросло. Ельцин вообще не наказывал за политику, но за время его правления население страны сократилось. Рождаемость! Начинаешь их истреблять, начинают рожать. Позволяешь жизнь превратить в праздник – водочка, клей, героин – вымирают.

И вообще, приходят на ум два сюжета. Первый: человек родился, где-нибудь в 1890 году, рос, учился, допустим, воевал, женился, лет в сорок попал по подлому доносу в лапы репрессивного сталинского аппарата, его пытали, раздавливали гениталии сапогами, и т.д. наконец, расстреляли. Второй сюжет: человек не родился. Какой сюжет вы бы выбрали для себя?

♦ Мне когда-то понравилась шутка Задорнова перестроечных времен. Мол, татары требуют компенсации от Московских властей за взятие и сожжение Казани. «Тогда пусть вернут для начала дань за 300 лет», отвечал Задорнов. Оказывается, шутка стачана по старой колодке. Когда Александр Македонский появился в Египте, египтяне сразу бросились к нему, требуя, чтобы он помог им

вернуть якобы похищенные при бегстве из Египта сподвижниками Моисея золотые сосуды. Евреи среагировали быстрее Задорнова. А пусть, говорят, египтяне возместят им стоимость работ, что были произведены евреями за годы рабства.

♦ В той же Античной Александрии у властей были разные виды бичей для наказания преступников разной национальности. Например, кнуты и кнутовщички к ним особые для греков, а для евреев другие. Во время очередного гонения на евреев, их доставляли в местный театр и начинали наказывать кнутами для египтян, знаменитый Филон Александрийский возмутился. Нарушение порядка! Нельзя пороть благородных граждан «подлыми кнутами». Справедливости ради надо сказать, что египетский кнут был больнее, узаконенного еврейского. Почему-то это мне напомнило ситуацию из белорусской комедии Дунина-Мартинкевича «Пинская шляхта». Там почему-то решено было выпороть местных шляхтичей. Заковыка была лишь в том, что не все соглашались подвергаться порке на равных с прочими условиях. Для более знатных порка была милее «на дыване», на ковре то есть. Без дывана некоторые отказывались подставлять спину. Сам же факт законности порки ни в Александрийском, ни в Пинском варианте не оспаривался.

♦ Китайская классификация животных из Борхеса. Там, где есть животные, «издали похожие на мух». Как литература, красиво. А попытайтесь с такой систематикой с такой наукой построить хотя бы мост через ручей. В таких текстах литература и жизнь максимально расходятся друг с другом.

♦ Древняя торговля: Россия вывозит на рынок меха, Венгрия – лошадей и вина, Финикия – пурпурную краску, Китай – шелк, то есть то, чего в других местах нет. Настоящая торговля нового времени начинается, когда возить начинают то, что могут сделать где угодно, но оттуда, где сделано лучше и дешевле. Голландия в 16 веке – изразцы, кирпичи; все умеют более-менее строить, но только в Голландии стройматериалы делают в массовом порядке и дешево и красиво. В Англии – ткани. Повсюду стучат ткацкие станки, но только в Англии, они объединены в фабрики.

♦ Почему Россия не Америка? Не потому что утверждает господин Паршев. Не потому, что у нас дорогое отопление. Кондиционеры Калифорнии сжирают для охлаждения воздуха в домах энергии больше, чем все Кемеровские и Челябинские теплосети для его нагрева.

♦ В детстве любил роман «Великий Моурави». Пришла охота перечесть. Отложил с досадой. Логика написания именно исторического и апологетического романа заставляет автора уворачиваться от серьезных вопросов. Вот отец Георгия Саакадзе получает в управление имение и начинает грабить таких же простых азнауров, каким и сам был вчера. Писатель сквозь пальцы упускает возможность мощного «Тиходоновского» дискурса, переводя внимание на какую-то сюжетную чепуху. Умирает отец царевича Луарсаба, а тот и не задумывается над тем, что того, скорей всего, прикончили, князь Шадиман, например. Дебильная радость владения ни на секунду не замутняется. Луарсаб, явно, не Гамлет.

♦ Вацлав Гавел умер 19 декабря, и мир узнал об этом 19 декабря. Ким Чен Ир умер, как говорят, 17, но до 20-го оставался жив в нашем представлении. Тоталитарные режимы покушаются не только на жизнь здешнюю, но и претендуют на устройство вечности.

Прав Шаров, «мертвые души» тоже часть государственного устройства, пока не вычеркнуты, на них опирается держава, как на живых, поэтому они чего-то стоят.

♦ Когда в Московском Кремле строили Дворец Съездов, для него снесли так называемые «кухонные» и «потешные» корпуса. Получился непреднамеренный символизм, а может, и преднамеренный. Ведь во Дворце Съездов устраивались советские спектакли, праздники народоправия. Парламент, везде в мире, кухня, где готовятся законы, у нас это потешная кухня. Раньше бы, я тут и остановился, довольный своим остроумием. А теперь думаю – может быть, так и надо. Везде в мире представительная власть это театрализация процесса законотворчества. Мы были просто откровеннее всех других в этом смысле. Сейчас лидируют по части откровенности американцы. Страна, где нет прямых выборов верховной власти (президента), не думает скрывать этого и учит весь мир демократии.

♦ Эпоха Мэйдзи в Японии – начало всеобщего образования. Японцы сели за парты, как будто кто-то им сообщил, что скоро начнется эпоха Великой Модернизации, и только образованные народы имеют шансы на успех. Немцев Бисмарк спаял своим «железом и кровью», но не только. Победу во Франко-Прусской войне он приписал «прусскому учителю». В этой тотальной «образованщине» тоже ощущение какого-то проекта. Американцы и сами себя признают во многом умышленным образованием. Все компоненты для формирования американского стандарта ввозили постепенно к себе через океан и составляли таким образом, чтобы у них к часу икс все было наготове.

Русские националисты считают, что русские поспешили стать историческим народом. Вышли на широкую историческую дорожку под чужим ярмом (Романовы, коммунисты). Умнее было бы отсидеться в заволжских лесах в староверческом скиту, как в историческом термосе, а потом предъявить себя со всей сохраненной сложной глубокой национальной силой. Русские не удержались в рамках своего, русского, проекта и задрав штаны, помчались вслед за шальными идеями. Тратя себя ради каких-то заокеанских негритосов и диких киргизов.

То есть, у некоторых народов было это ощущение грядущего «осевого времени», другими буквами – модернизации, а у русских нет. И богатырь, явный исторический богатырь, каким выглядело русское православие в начале 20 века, растратил себя не ради себя, а ради кого угодно. И теперь будет сметен.

Как будто у народа есть возможность выбирать время, когда ему окунаться в историю.

♦ Кстати, у японцев Россия обозначается иероглифами, которые переводятся как «страна идиотов». Когда установили дипотношения, пришлось придумывать другие иероглифы, но мнение их о нас, кажется, не изменилось.

♦ «Музыка для толстых», так правильно называли джаз. Черные Сент-Луиса его изобрели, и мне нигде не приходилось видеть такого количества толстяков и толстух, как в черных кварталах американских городов.

♦ Кажется, это была «Матрица» номер два, длинная драка где-то в середине. Драка повышенной динамичности на движущемся длинном транспорте. Настолько длинная, что я отвлекся, взял газету, пробежал отчет о вчерашнем футболе, перевел взгляд на экран, драка продолжалась, понятно, значит можно еще чем-нибудь занять внимание.

Но то же самое с перечислениями в прозе. «Маятник Фуко». Умберто Эко, кажется, страшно горд и даже наслаждается способностью нанизывать и нанизывать, ставить одно к одному слова и слова, смыслы и смыслы. Все продумано, все осмыслено, даже красиво, пышно, гармоничное нагромождение. Но все сильнее хочется пролистнуть. Дайте мне глоток глагола!

◆ Прочитал книгу поэта К, спустя некоторое время узнал, что поэт умер. Перечитал книгу. Стихи не стали лучше.

◆ Что для кого является экзотикой. Одна из героинь «Человека без свойств» взяла имя Диотима. Жрица, дававшая уроки мудрости Сократу. По ее адресу замечено: «да какая она Диотима, на самом деле она самая обыкновенная Эсмеральда».

◆ Любимое русское обвинение в адрес евреев – местечковость. В результате болтливой борьбы, за два прошлых века, русские сами впали в тотальную местечковость, сплошные кулики своих болот, ничего сверх этого. Не сливаются домашние ручьи в единое море. Хотелось еще сообразить, что приобрели евреи за время «борьбы» против них.

◆ Фильм «Матрица»: Протоклы Зеонских мудрецов

◆ Китайцы говорят: мы построим инфраструктуру детям. Прокладываю дороги, которыми пока никто не пользуется, стоят целые районы многоэтажек, в которых пока никто не живет. Родители должны оставить детям дом (страну, государство), но не отделять его на свой вкус, это им, почти наверняка, не понравится. Они хотели бы стоимость отделки получить деньгами.

◆ Деньги измеряют не только то, что есть сейчас в мире, но и то, что будет потом. Единственный способ путешествия во времени – кредит.

◆ Мой друг подыскивал себе дом в Лондоне. Поскольку денег у него было немного, обследовал в основном дешевые районы. Спросил у одного муниципально-го чиновника: а много ли в здешнем районе «черных»? Тот очень резко заявил, что такой информацией не интересуется. Во-первых, странно, разве информация в чем-то может быть виновата. Почему она не имеет права на существование? А потом, глупо было бы счесть этого чиновника ненавистником расизма. Скорее наоборот, он сам расист. Он не может себе представить, что человек ищет общества «черных».

* * *

Как-то раз литератора с именем

Будланула коровушка с выменем.

Он свалился в подпол,

Но кричит женский пол:

«Ничего, не волнуйтесь, вынемем!»

◆ Воздух не может быть модным, модным может быть запах.

◆ Идея имперская, идея берендеевская – две крайности в толще современных патриотов. Новые националисты, что вокруг журнала «Вопросы национализма»

неизбежно, впадают в берендеевщину. Умные, дельные вроде бы люди. Толковые, но им не хватает спасительной имперской лени.

- ◆ Эгоист врет меньше всех.
- ◆ Лучшая стратегия: все время совершать правильные тактические ходы.
- ◆ Это настолько необычно, что даже неинтересно.
- ◆ Мужество необходимо скорее в обороне, храбрость и смелость скорее в атаке.
- ◆ Счастье, это когда твои враги плохие люди.
- ◆ Антисемит – это мужчина, которого евреи волнуют сильнее, чем женщины.
- ◆ Зачем убивать своих врагов, если их можно пережить.

◆ Глазков: полезен так же унитаз, но это не поэзия. Борясь против пошлости, Глазков в нее сам и впадает. Ну, кто ж не знает, что унитаз не поэзия. Глазков тут равен тотальному пошляку Андрею Дементьеву: «Я ненавижу в людях ложь!» Как будто все остальные ее обожают.

◆ Названия для книг: «Новые ворота», для особенно умных читателей. «Последний день Помпея» – исторический роман.

◆ Кадр из фильма «Война и мир». Длинная очередь солдат – поклониться иконе Смоленской Божьей матери. Возможно ли представить такую очередь к «Велесовой книге»? Язычники никогда не выиграли бы Отечественной войны.

◆ Закон Божий – в начале было слово.

◆ Опять про невероятную «изобретательность жизни». После института снимал я квартиру, соседями по площадке были супруги Савва и Васса. Когда я служил в армии, у нас в роте было два ефрейтора, одного звали Дотов, другого Дзотов. Кроме того, был прапорщик Вехоткин, и старший лейтенант Мочалкин. И что делать с этими бесплодными забавностями? Литература иногда вынужденно брезглива и категорически отказывается от таких неостроумных даров реальности.

Вообще, самый идиотский аргумент – так было на самом деле. Все равно, если честно, было чуточку не так, даже если автор старается быть химически честным. И, кроме того – так было? Ну и что? Глупее лишь другой титанический аргумент: моей теще понравилось.

◆ Мне нравились стихи поэта Юрия Кабанкова, моего товарища по Литинституту. Как-то критик обвинил его в подражании Юрию Кузнецову. Юра тогда жил в провинции, в городе Чернь, не мог быстро ответить критику. У меня мгновенно родился ответ за него.

ПОЭТ И ЧЕРНЬ.

Люблю поэта Кабанкова,
О нем рассказ я поведу,
Другого нет нигде такого,
Он вдалеке, но на виду.
Как не шипи столичный критик,
И как его ты не черни,
Он не игрок, и не политик,
Он честно трудится в Черни.
Он не похож на Кузнецова,
Но кажется, порою мне –
Он Мандельштама и Кольцова
В себе соединил. Вчерне.

♦ Поэзия поступка. Почему-то всегда у меня вызывали тоскливую неприязнь все эти «делатели жизни». Смешение ремесел. Для того, чтобы въехать в историю литературы, важнее влипнуть в историю с наркотиками, важнее, чем писать настоящие стихи, и т.д. В серебряные времена, работали радикальнее – самоубийство на самоубийстве. Мне больше импонировал Анненский с его застегнутостью. Я так не буду! Но нет, не проскочить, «хоть подошвы да запачкаешь», как говорил один китаец. Прочитал тут в дневнике у С.Есина про себя (все там, конечно, выискивают про себя, и никто не читает остального) про то, как я поздним вечером, будучи заперт с вахтером в помещении одного журнала, где выпивал с друзьями, возмутился и выбил ногой входную дверь, демонстрируя редкое свободолюбие. С.Есин заметил, что поступок замечательный, запомнился ему сильнее, чем мой роман, прочитанный им в том же журнале.

♦ Гоголь – прямое воздействие на жизнь.

Добившись какого-нибудь реального, огромного успеха, писатель не может долго пребывать на вершине его в равновесии душевном. Он или сходит с ума как Кавабата, от невозможности сделать еще один шаг, потому что знает, шаг этот будет не вверх, а вниз, в пропасть. Другие пытаются как-то «конвертировать» свою славу во что-то. Самое простое в знаки отличия, деньги, но это для мелочи. Большие люди стремятся преобразить реальность вокруг себя. Толстовство и т.п. «Выбранные места» та же самая песня. Как сосуществовать с доказанной гениальностью, оставаясь только на словесном поле? Надобно идти в поле жизни. Властитель дум, хочет видеть плоды своего властительства.

Солженицын рвался в Думу и телевизионные проповедники.

Да, даже Акунин. Стал любимцем среднего читающего класса, заработал нечто вроде авторитета и тут же поскакал с ним на идеологические пути? «Красный петух», как ни крути, удар исподтишка по боженьке. Читательский авторитет зарабатывать, чтобы потратить его на поганенькую шпильку против Христа.

♦ Парадокс – все хотят жить, как американцы, а чувствовать, как русские.

♦ Остаться с тобой, но остаться собой.

♦ Делание литературной карьеры. Делатели своего успеха. Есть гении со врожденным в характер импрессио. Первый – Солженицын. Самая интересная книга

– «Теленок», руководство: как преуспеть при тоталитарном режиме, не работая на режим. Кроме того – Маркес, его вообще звали Габриэль Гарсия Маркетинг. Будучи ослепительным талантом, он обладает виртуознейшей способностью этот талант еще и преподносить. Но он, хотя бы скрытен и лукав, и сам про свои методы не проговаривается. А Солженицын величественно простодушен, выпустил разоблачение про себя и плевать ему на всех. Глыба.

♦ Протестанты ищут в Писании указаний, кто спасется? Решили – богатство признак человека, которому предназначено спастись; православные определяют тех, кто, наоборот, не может спастись: «иголье ушко» и верблюды. Натолкнулся на мнение, что на самом деле имелся в виду, писавшими на арамейском или древнееврейском, не верблюд, а канат, там созвучие. Очень может быть. Хотя и верблюд мне продолжает здесь нравиться, «зверь с горбом, а то и с двумя». Да и канат в то самое ушко не пропихнешь.

♦ Критика – последнее прибежище интеллигента.

♦ Вкус. О вкусе спорят. Например, дико сказать – у Пушкина был хороший вкус. В наборе его активных, творческих качеств, это такая несущественная деталь, что и говорить смешно. Но носители вкуса сплошь и рядом лезут диктовать что-то, оценивать, ставить на место явление или человека. Чем манифестируется вкус – мнением.

Мнение бесплотнее, чем «ничто», а претендует на все. Ценители – чернь! Пушкин про критиков «Истории» Карамзина. Вот где он проявил, помимо ума еще и вкус.

Еще долго бы упражнялся мыслью по этому поводу, но тут набрел у Витгенштейна.

«У меня есть вкус.

Самый утонченный вкус не имеет ничего общего с творческими возможностями.

Вкус есть уточнение впечатления, но впечатление не действует, оно принимает.

Вкус исправляет, а не дает рождение».

Мои мысли совпали с мыслями великого человека. Хоть гордись, честное слово.

Кстати, единственный вариант существования вкуса, это служебный, на обслуживании своего или чужого творческого акта. Редактор с хорошим вкусом, очень даже уместен. Ужасен редактор-творец.

♦ Боковая информация. Часто в книге интереснее не то, о чем пишет автор, а пролезающее в сознание читателя контрабандой.

«Бесчестье» Кутзее. Дочь африканера насилуют на ее ферме трое черных парней. Она не хочет подавать в суд. «Историческая вина». Это голландка-лесбиянка, изнасилование лесбиянки большее преступление, чем изнасилование девственницы, считает герой романа, отец изнасилованной. Расплата за столетия издевательств над черными на юге Африки. Трудно спорить, те африканеры виновны в жестоком чудовищном обращении с аборигенами. Но в данном случае ни сама изнасилованная, ни ее отец ни в чем персонально не виноваты. И автор ни в чем «таким» не замечен. Трепет политкорректности в каждой строчке текста. В романе слово негр, кажется, не употреблено ни разу. В этой готовности платить

по счетам своего провинившегося «рода» есть что-то омерзительное. Выдается за мудрость – такая жизнь здесь у нас в Африке, надо заплатить дань, пройти инициацию.... Прочая чепуха.

К вопросу о том, что история может потребовать от живущих ныне. «В затылок наследников русоволосых история молча швыряет свой посох». Сын еще, может быть, отвечает за отца, но когда с него требуют ответа за отцов, ответа требует хитрый демон.

Что Родина может потребовать от своего сына. Жизнь? Наверно, может. Государство, представитель Родины, правда, говорит, что не только может, но и должна. А гражданин должен отдать ей, жизнь. И по первому требованию, и в том месте, где скажет государство. Государство убеждено, что знает, что и когда, и где нужно от гражданина Родине.

Но это длинный разговор.

А вот – честь?

Может ли государство требовать у человека честь? И вообще, не монстр ли оно, после того как такое потребует.

Нельзя же, возвращаясь к Кутзее, после бесчестья стать равноправным сыном земли, чьи владельцы тебя унизили. Опущенные не восстанут. А если восстанут, немедленно приступят к мести. Лесбиянка забеременела от одного из трех черных гадов, но собирается рожать. Интересный поворот в разговоре об абортах. Даже, кажется, церковь не противиться аборту в случае жестокого изнасилования.

Намного ближе мне Паскаль Брюкнер «Тирания покаяния». Коротко его мысль такова, как я понял. Да, французская жандармерия жгла с невиданной жестокостью алжирские поселки в 19 веке и позже, но это не значит, что дети выходцев из Алжира должны безнаказанно жечь автомобили в Париже наших дней.

Русские крестьяне жгли усадьбы помещиков и даже добрых помещиков, якобы потому, что триста лет предки этих бар измывались над их предками. Может быть, тут ничего нельзя окончательно ни доказать, ни опровергнуть. Но у меня вызвала бы сомнение барыня, которая сочла бы произошедшее нормой. Да, в «Суходоле» есть упоминания о некоем мужике по имени Ткач, который нагло навещает барыню по утрам в ее спальне. Но там явно имел место чисто сексуальный момент, а не акт восстановления исторической справедливости.

* * *

Ты на сердце мне легла
И лежишь там как игла,
Больно при любом движенье.
Но лежи себе, лежи,
Рядом счастье положи.
Вот такое положенье.

♦ Важнее всего то, что написано на знаменах. Делай, что хочешь, но тайком. Англичане придумали концлагеря и агрессивную войну без намека на законные основания (трансвааль). Но только Гитлер похвалялся и требовал, чтобы за ним признали право быть людоедом. Гитлер открыто обещал истребление всех некондиционных людей и народов. Сталин тоже убил много, но официально боролся с недостатками, эксплуатацией человека человеком, врагами народа и так далее. В общем, вполне христианский по форме подход. Надо быть врагом недостатка, а не человека, носителя этого недостатка.

Японцы считали (да и считают) всех не японцев существами ниже себя, то есть, они даже не расисты, и не нацисты. Немцы ставили себя на особое место в человеческом мире, а японцы, всех остальных просто не считали людьми. Человек, забивающий барана или измощающий лошадь на работах, не расист. Японцы относились к остальным, как к баранам и лошадям. Но в силу азиатской своей хитрости, не слишком манифестировали по этому поводу. В результате, образ Японии в целом, куда менее демоничен, чем образ гитлеровской Германии. В романе Ф. Дика «Человек в высоком замке» описан мир, построенный после победы Германии и Японии во второй мировой войне. Так вот, в той части, где правят японцы, жизнь куда симпатичнее.

Японцам после капитуляции даже позволили императора вывести из-под удара. Хотя, если всмотреться, что они творили в Китае, Корее... и представить, что главный потомок Амата-расу всего этого не знал трудно.

◆ «100 великих карликов» книга для изд-ва «Вече».

◆ Ключ от квартиры, где девки лежат.

◆ Поэт и царь. Царь – насильник. Поэт – соблазнитель.

◆ У одного вполне посредственного писателя нашел очень умную мысль: стать мужчиной, начни зарабатывать деньги; стать настоящим мужчиной – перестань зарабатывать деньги.

◆ Издательство «Серебро». Молчание ведь – золото.

◆ Бахтин, оказывается, чрезвычайно высоко ставил Вяч. Иванова. Странное чувство – Бахтин не все понимает в литературе.

◆ – Бабушка, а Васька-то умер. – Ох-хо-хо! – А Колька-то, разбогател! – Ох-хо-хо!

◆ Положительный герой Шерлок Холмс, Робин Гуд, Капитан Блад... у англосаксов это обязательно действующий человек. У нас Зосима... – надуманная фигура. Но есть Николай Ростов, Гринев, тоже ведь люди действия. Возможен ли убедительный положительный персонаж? Предмет будет увиден, только если к нему приделать какие-нибудь тени.

Тут главное суметь побольше положить всякой дряни на ту чашу весов, которая должна уравновешивать положительность героя. Холмс – взломщик, наркоман, скверно играет на скрипке, безапелляционен в суждениях, на грани хамства.

Ходжа Насреддин (безусловно, положительный герой) разоритель чужих гаремов, и вообще «нарушитель спокойствия».

Вообще, в идеале создать образ положительного серийного убийцы. Например, снайпер. Были у нас воительницы с оптическим прицелом, застрелившие по сотне гитлеровцев.

◆ Похождения колосса на глиняных ногах.

◆ Не бей лежачего – он мертв.

Не бей стоящего – он часовой.

Не бей бегущего – он гонец.

Не бей летящего – он ангел.

♦ Почему отрицательные персонажи часто получаются убедительными, а положительные редко? Отрицательных автор пишет с себя, владеет материалом, а положительных надо выдумывать.

♦ Улица Центральная на окраине г. Видное. У обшарпанных ворот затрапезного домика в тени ржавого «жигуленка» лежит пес, такой же жалкий и старый, как домишко, им охраняемый. Вдруг пес медленно поднимается, пересекает улицу и подходит к воротам шикарного особняка, рядом с которыми стоит «Порш Кайен», поднимает лапу и выразительно делает свои дела на мощное колесо. Потом медленно, явно с довольный собой, возвращается на прежнее место. Образ верности своему долгу.

♦ Толстой: если плохие люди объединяются, то и хорошим следует сделать то же самое. Но он, как будто, не понимает – когда хорошие объединятся, то неизбежно и скоро, станут плохими. Партии – кладбища личностей. Внутренний смысл порыва ясен, но предложение все же абсолютно неприемлемо.

♦ Как-то, когда я служил в армии на политзанятиях был случай. Имелся у нас боец по фамилии Пундис. Донецкий парень сплошь и рядом рубивший очень грубую правду матку. Это был не вид правдолюбия, а обычное хамство. Однажды к нам на батальонные политзанятия зашел проверяющий генерал. Пундиса обычно не пускали на парадные мероприятия, запихивали куда-нибудь в наряд на кухню, или в кочегарку, чтобы не ляпнул чего-нибудь не к месту, а тут проверка суперважная, ну никак этому бойцу нельзя было попадаться на глаза генералу, о чем комбат дал особое распоряжение. И, конечно, Пундис оказался в первом ряду, и, конечно, генерал обратился с вопросом именно к нему. Вопрос был простой.

– Кто главный противник нашей страны на международной арене.

Пундис встал, насупил брови, изображая напряжение ума, прищурил глаз и выдал:

– Киев!

Чем закончилась для комбата проверка, я не помню. Дело в другом. В последнее время мне все чаще приходит на ум мысль, что Пундис был в сущности прав и на том политзанятии сыграл роль пифии.

♦ Критик Михаил Лобанов: пример невиданной критической честности. Претензии к Толстому есть, а к Стаднюку нет.

♦ Настоящая конкуренция не между разными, а между одинаковыми.

♦ «Все куплю», – сказала злато. «Все возьму», – сказал булат.

Замечательный прозаик Александр Белай, будучи прорабом на строительстве дома в советские годы, сдавал среди прочих и квартиру, предназначавшуюся для секретаря райкома. Для него расстарались. Ручки в двери вставили бронзовые, унитаза особый и так еще по мелочам. В остальном квартира партийного начальника мало чем отличалась от квартиры какого-нибудь слесаря. И секретарю такое положение дел нравиться не могло, конечно. Втайне он считал, что

ему положено больше. И так думала вся партийная номенклатура. Главная их мысль была в том, чтобы превратить статусную ренту, вещь неуклюжую, непластичную, плохо управляемую, в прямой капитал.

Дети партчиновников, мотавшиеся на запад, вывезли оттуда жажду совсем новой жизни. Партийные ряды пропитались этой жаждой. Это привело к грубой, грязной монетизации льгот, чем в экономическом смысле и была гайдаровская революция. Но спустя некоторое время выяснилось, что деньги сами по себе беззащитны. Только должность в госаппарате гарантирует их сохранность. Иначе какие-нибудь бандиты, дикие или чиновные (булат) отнимут.

Произошел частичный разворот, денежные люди стали обзаводиться мандатами, а еще лучше должностями, люди с должностями, стали обзаводиться большими деньгами.

Вся наша гайдаровская революция элементарна как двухходовка.

У нас теперь система: немного злата, немного булата.

♦ Вавилов похоронен в ящике для СЕМЕННОГО картофеля.

♦ Книга – сила. Зорий Балаян выпустил книгу под названием «Очаг» о Карабахе – война за Карабах идет по сей день. Лютер сделал перевод Вульгаты архиепископа Иеронима на немецкий язык – триста лет Германию сотрясали войны. Экранизация в Индии «Рамаяны» в 81 году – 70 серий – страшный индуистский национализм возник как на пустом месте. Индусы истребляют мусульман, а до этого сотни лет было наоборот.

♦ Один богатый человек на северном Кавказе, зная, что одной из самых престижных профессий является профессия зубного врача, купил дипломы стоматологов всем своим молодым родственникам. В городе не осталось никакого зубного врача, который не был бы родственником этого человека. И вот у него разболелся зуб. Он к племяннику. Тот разворотил челюсть, стало хуже. Он к двоюродной сестре, та покопалась во рту, но не помогла. Тогда он к другому племяннику, а челюсть распухла, появилась угроза заражения крови. И второй племянник ничего не смог сделать. «Сколько у нас еще зубных врачей в городе?» – спросил этот человек. «Еще трое» сказали ему. Нет, решил больной, столько образованных родственников мне не вынести и отправился на вертолете в Ставрополь, где его спасли. Совсем чужие люди.

♦ «Обменные курсы», «Профессор Криминале». Малкольм Бредбери, «Дикобраз» Барнса.

Большим было откровением то, с каким презрением смотрят на своих восточно-европейских братьев европейские старшие братья.

В «Дикобразе» описывается крах наименее колоритного из коммунистических вождей – Тодора Живкова, или человека очень на него похожего. И даже на фоне этого, отнюдь, не титана духа и интеллекта, свергающие его массы, в лице типичных своих представителей, выглядят такой ничтожно пивной, суетливой шушерой, что даже забавно.

А Бредбери вообще издевается над вымышленной, вернее, контаминированной старой, этакой Румыно-Болгарией. Как же там все идиотично, примитивно, мелкотравчато: нравы, мысли, поступки, устройство жизни. Коммунистические вожди высятся, как мрачные, но солидные, серьезные фигуры, у подножья которых копошится вся либерально сюсюкающая шантрапа.

Не хочется делать вывод, что иные британцы и вообще западники уважают только тех, кого побаиваются. Но такой вывод делается сам собой.

Теперь вот стало видно, что западные писатели, в общем-то, пророки. Окажется, и финансовое презрение к «новой Европе» всегда имело место среди «старых европейцев», и в романах тех же Бредбери и Барнса разорение восточноевропейских и южноевропейских стран было прекрасно предсказано.

◆ Женщина ходила в церковь. Но не получала там удовлетворения.

◆ С увлечением читал двухтомник: Переписка Н. Некрасова. Респонденты: Толстой, Тургенев, Григорович, и еще множество писателей. И почти все письма о деньгах. Почему такому-то за страницу столько-то, а мне всего лишь столько? Григорович ругается, не понимая, чем же это начинающий господин Лев Толстой так уж заслужил такую оплату. Неправильно было бы думать, что тут дело в жадности. Здесь дело в рейтинге. Некрасов, изумительного класса издатель, при нем «Современник» процветал. Уровень гонорара у него точно соответствовал уровню автора. Писатель настолько хорош, насколько его оплачивают. Отсюда и такие нервы.

◆ Рейтинг, незаконнорожденный сын иерархии.

◆ Реклама – мир без смерти.

◆ Видовая наша цель – поэзия, примерно так выразился Бродский в нобелевской речи. Очень может быть. Но искусство, как известно, непосредственное созерцание истины с помощью художественных образов. Видовой целью вряд ли может быть чистое созерцание.

«Чувствовать как поэт, жить как христианин», – сказал еще один приметный человек.

◆ Война ужасная вещь. Бесспорно. Но есть вещи и хуже. Оккупация. Во время войны оружие хотя бы у обеих сторон. При оккупации вооружена только одна сторона. Больше половины наших потерь в последней войне, это потери среди мирного населения на оккупированной территории.

◆ До сих пор человек заявляющий, что не верит в Бога, считается вольнодумцем.

◆ К христианству многие относятся плохо, но представитель любой нововдуманной религии желает перетянуть на свою сторону Христа, иметь его среди своих союзников.

◆ Истина одна, всегда одна. Потому что никого рядом с ней нет. Никто в ней не нуждается.

◆ Пес, испорченный цивилизацией. Одна собака увидела другую в парке, естественно, заинтересовалась, но не бросилась к ней напрямик через мокрый газон и вскопанный кусок земли, а обошла по длинному маршруту по дорожкам.

♦ Национализм в Европе. Атлетик Бильбао демонстративно баскский клуб, и почему то всех это радует. Вся Европа болеет в сезоне 11–12 за Бильбао. А когда кто-то обратил внимание, что Zenit сплошь белый, долго пришлось оправдываться – это случайно так получилось. Выбирали подходящих футболистов, а те оказались все с белым цветом кожи.

♦ Самое низкое творческое умение – тронуть читателя; заинтересовать – сложнее; еще сложнее – рассмешить, особенно умного читателя; самое высокое умение – потрясти, когда уже не важно умен читатель, стар, образован или негр. Но это только Шекспиров.

♦ Рейн – Бурлюк Бродского.

♦ Черномырдина не пустят на Страшный Суд, он там всех рассмешит, оправдываясь: «Мы были, есть и будем, только этим и занимаемся».

♦ «Замогильные записки». Бриан, конечно, голова, но Шатобриан, это вообще.

♦ Как-то увидели, что у Черчилля не застегнута ширинка, деликатно намекнули, он сказал – старый орел не вылетит из гнезда. Один армянский поэт выразился еще лучше – вы же открываете окно в доме, если в нем мертвец.

♦ В очередной раз подтверждение, что Пушкин это Пушкин, а все остальные, всего лишь остальные.

Пушкин – Вяземский не сошлись по поводу польского восстания. Аргументы Вяземского серьезные, он смотрит с точки зрения очень умного интеллигента, и ему трудно возразить. Кажется, даже невозможно. Но стоит вспомнить Пушкина, «о чем шумите вы народные витии», и становится стыдно, как же это ты, братец, согласился с этой ограниченной, вяземской точкой зрения, ведь есть более возвышенная, а значит, и единственно верная, пушкинская.

То же чувство, при сравнении Салтыкова, его «Города Глупова» с «Селом Горюхиным». Если не знать, что есть село, то город выглядит убедительно. Но стоит обратиться к Пушкинскому тексту, становится понятно, как зловредно тенденциозен Салтыков, «село» умнее, добрее, ироничнее, тоньше, объемнее «города».

♦ Странные фамилии. Играли в карты у конногвардейца Нарумова. Нарумов, фамилия со странностью, не Волконский, не Голицын. У Стендаля русский князь – Коразов. Не менее странно. Но Пушкину можно, а Стендалю нет.

♦ Русские – народ, придавший смысл континенту и ставший его проблемой.

♦ Культура вины – Россия; культура стыда – Япония; культура долга – Британия; культура равнодушия – Белоруссия; культура порядка – Германия; беспамьяства – Индия... можно продолжать.

♦ Сейчас те, кто за народ, против тех, кто за гражданское общество. Воюет, если придется, именно народ. Общество осуждает жертвы, народ их приносит. В обществе бывают потерянные поколения, в народе выбитые или искалеченные. Общество мечтает о светлом будущем, народ хранит прошлое.

♦ Пер Петтерсен «Уводите коней» – очень хороший роман. Но такое впечатление, что почти все норвежцы только тем и занимались, что усиленно боролись с немцами. Каждый, всякий и любой. Но, в основном, не с немцами, а с Гамсуном, и уже после войны, когда это было безопасно. А тот, кстати, ездил ругаться к Гитлеру, мол, почему ваши немцы ведут себя в Норвегии так по-скотски. Переводчик боялся переводить слова писателя, и нес какие-то благоглупости, боясь огорчить вождя.

♦ Всегда смутно раздражало то место в Хаджи-Мурате, где русские солдатики, войдя в аул, загаживают фонтан в ауле. Тупая, беззаботная в своем биологическом навалe сила. Толстой, изображая этот праздник бездумного мяса, как бы извиняется за них, как барин за своих бесчинствующих крестьян. Толстой на стороне ограниченного в своих силах Кавказа, перед неограниченной русской массой.

Во времена Толстого русских было не больше, чем сейчас. (Русских 80 миллионов писал в Дневнике Достоевский, и это звучало громадно). Но тогда возможность исчезновения русского народа была непредставима. А сейчас представима. Русский народ можно потерять. Сейчас требование к русскому народу: ты должен все стерпеть, часто выглядит кощунственно.

♦ Село Ермолино. На обелиске рядом с церковью фамилии 29 погибших в войну сельчан. Значит, еще, как минимум, столько же вернулось с ранениями. В селе 60 дворов. С московских трибун доносится: покаяйтесь! Представляю себе приезд Аллы Гербер с этим требованием в село.

♦ Гомбрович «Дневник»: «Наша «поверхностность», наша «легкость», наше в сущности безответственное, инфантильное отношение к жизни и культуре, наше неверие в абсолютную реальность экзистенции (проистекающее, видимо, из того, что, не будучи вполне Европой, мы и не Азия).

Уже даже эту классическую раздвоенность хотят отнять у нас, оказывается, это не мы Евразия и Азиопа, а Польша!

♦ Счастье.

Мужчина: Любовница и жена один человек, работа и увлечение совпадают, твои враги – плохие люди.

Женщина: муж и отец детей один человек, семья и увлечение одно и то же, враги мужа твои враги.

♦ «Кривое зеркало» – шут, «Камеди клуб» – голый король.

♦ Страхов назвал Лермонтова «разочарованным идиотом». Мне кажется, вот, например, Ксеркс не согласился бы с ним. Персидский царь понимал греческий язык и знал, что «идиотом» на этом языке называют человека частного, не состоящего на государственной службе. А Лермонтов состоял, был офицером.

♦ Кто лучше всех опишет лес?

В.Артемов сказал, что лучше всех опишет лес не лесник и не степняк; одному лес примелькался, второй никогда его не видел. Лучше всех опишет лес охотник. Пришел, увидел, ушел. Но эту мысль нельзя распространить на, скажем, воду. Рыба воду не опишет, потому что ничего кроме воды не знает. Рыбак, не опишет, потому что не всегда на берегу, не ныряет. Тогда, кто лучший описатель – крючок?

♦ Пишут книги по схеме: «Неизвестный такой-то», напишут, наверно, и книгу «Неизвестный Неизвестный». Падают известность Неизвестного.

♦ Миру наплевать на меня, Богу нет.

♦ Фрейд против фрейдизма: «Психоанализ бесполезен при анализе художественного творчества». Привет Набокову с его выпадами против «венской делегации».

Набоков: «История молчит, набрав крови в рот». Это Владимир Владимирович про то, что куда-то пропал со страниц истории генерал Куропаткин. Как выясняется, спокойно жил в своем имении в Прибалтике.

♦ Я лезу на гору, он роет яму, интересно, где мы встретимся.

♦ Генерал Лассаль: Если гусар не убит в тридцать лет, то он не гусар, а свинья. Еще этот кавалерист написал «Косынку». «Трубка разбилась, завтра умирать».

♦ Сбережение народа. Только на первый взгляд умная, «духовная» мысль. Народы появляются на свет для того, чтобы прожить свою жизнь. Похожую на жизнь отдельного человека. Человек же себя не экономит, не сберегает. Человек себя тратит. Иначе – человек в футляре. Представьте себе «народ в футляре». Народ надо тратить. Важно – на что? Есть бесполезно потраченные народы. Народы, «зарытые в землю» как таланты, что близко к народу сбереженному. Особый вопрос, кому разрешено тратить. Народ, в общем-то, чувствует, на что ему угодно быть потраченным. Желательно, с толком. Поэтому, сталинские потери во время Великой Отечественной вызывают возмущение у кого угодно, только не у, собственно, народа.

Народ ведь еще и хитер. Где-то в глубине коллективной души, он соглашался, чтобы на закорках у него появился кто-то управительствующий. Романовы, КПСС. Народ не может прожить, не греша – войны, расширение территорий, присоединение тех и иных, репрессии, так пусть уж будет кто-то, к кому можно предъявить претензии.

♦ Поскреби татарина. Поскреби того, кого выскреб из под татарина, поскреби еще, еще... а это что за горилла?

Не скреби никогда хохла, визгу не оберешься.

♦ Работа Левши не менее тонкая, чем у авторов устройства, но совершенно бессмысленная. Русская талантливость не направлена часто на конкретную пользу.

♦ Можно понять, почему мальчишки хвастаются тем, как рано начали половую жизнь.

Лев Толстой настаивал, что помнит вкус материнской груди, помнит себя в месячном возрасте. Придается себе какое-то особое значение перед другими людьми. Зоценко хотя бы вылечился грудными своими видениями.

♦ Пол в известном смысле мундир. Напяливают его лет в пять на человечка, он комичен, дергается, почти как Гринев, записанный не в пол, а в полк заранее. А на старости лет пол носится как мундир Бальтазара Бальтазаровича Жевакина.

Мундир, уже не прикрывающий ничего специфического. Первые пять лет жизни, пятнадцать последних, пол вещь вполне номинальная, привычка, ниша семейно-социальная, а не внутреннее содержание.

◆ Говорят Ленин умный, но как мог картавящий человек назвать свою партию РСДРП?

◆ Каждой иголке по стогу сена! И наоборот.

◆ Танец маленьких лебедей. Но мы же знаем, благодаря Андерсену, как выглядят маленькие лебеди – это гадкие утята.

◆ Мысль принадлежит не тому человеку, который ее высказал, а тому, кому общественное мнение желает ее приписать. Считается, что фразу – у Британии нет постоянных союзников, но есть постоянные интересы, сказал Черчилль, а на самом деле Гладстон. Но Черчиллю, она больше «идет».

В Древней Греции все умные фразы приписывали Сократу.

◆ Читал Апулея, а Цицерона не читал. Все читали Апулея, «Золотой осел» был зверски популярен во все эпохи, и во все эпохи Цицерон считался скучным, но до наших дней они дошагали вместе и стоят рядом. Какая-то что ли есть тайная лига, споспешествующих Цицерону, тех, кто считает, что без Цицерона нельзя обойтись, пусть он даже и не очень читабелен.

В Иенском университете на лекции Гегеля записывалось множество студентов, а к Шопенгауэру почти никто. Между тем, Гегель был лектор скучный. Шопенгауэр – блестящий. Немецкий студент особенен тем, что полезное умел предпочесть блестящему.

Белинский совершенно не по делу затюкал Бенедиктова.

◆ Предки. Все время разговоры про какое-то давнее, древнее знание. В какой момент оно появляется? Десять тысяч лет назад, двадцать? Откуда уверенность, что оно вообще было? Почему утратилось. Золотой век, железный век. В наше время представление о непреодолимом прогрессе и неуклонной деградации спокойно сосуществуют.

◆ Идиотическая вера в то, что люди не завелись самостоятельно на земле, а занесены откуда-то космическим ветром, или сработаны тут какими-то прилетными ребятами. Никто не хочет, из верящих в эту муть, увидеть оскорбительную для человека суть этого дела. Тайну жизни это никак не открывает. Просто теперь надо будет понять, как жизнь завелась «там», откуда она попала к нам. Земля лишь филиал. Какая в этом радость?

Что космические предки рано или поздно вернуться и нас всех одарят и выльчат?

А вдруг все будет иначе. Ну, прилетят, ну вылезут из своих тарелок, познакомимся, выпьем и выяснится, что там у них та же тоска, те же проблемы: люблю одну, а сплю с другой, и стреляются только не из Макаровых, а из лазерных штук.

◆ Мне плевать на наличие или отсутствие смертной казни в законе. Важно убийцу надежно изолировать, чтобы он не убил еще кого-то в дополнение к

убитым. И создается такое впечатление, что наши юристы озабочены только одним – дать убийце еще один шанс. Убить еще кого-нибудь. Условно досрочное, десять лет за умышленное убийство. Я не говорю про бытовуху, ревность, водку, аффекты. А когда задумано, заказано, выполнено, вещи сданы в ломбард и сон спокойный. И такому дают каких-то пятнадцать лет. А ему от роду двадцать. Он выйдет на волю, даже если отсидит все, и будет моложе Пушкина.

Вина наказанных. Пожизненное заключение для убийц предумышленных отнюдь, не обязательно. Почти никогда их так не наказывают.

Забота о преступниках, ведь мертвые уже мертвы. Спасение виноватых.

Все от веры в то, что «там» все-таки ничего нет. Надо думать о живых, какими бы гадами они ни были.

♦ Судьба пощадила Шукшина и Высоцкого, не дав им дожить до перестройки. Они не смогли бы остаться в стороне от 1991 и 1993. Может быть что-нибудь омерзительнее ситуации, когда Высоцкий поет песню в защиту танкистов, обстреливающих Белый дом, а Шукшин составляет тексты для Руцкого и Хасбулатова.

Пушкин, несомненно, принял бы присоединение Крыма. А Герцен – нет. Достоевский да.

♦ Калькулятор не имеет права презирать таблицу умножения.

♦ Гитлер: Россия способна создавать лишь «потемкинские деревни».

♦ Пушкин не читал Толстого, но есть ощущение, что читал.

♦ Дух Чань подобен вкусу чая. Получается, что США пошли путем чань после Бостонского чаепития.

♦ Футболист Зенита Гарай носит кличку Негро, и на вопрос: – Не обидно? – Смеется, – «Нисколько». Почему-то белому, пусть и смуглому в данном случае, называться черным не обидно. А черному, даже более белокожему по факту, чем тот же Гарай, обидно смертельно.

♦ Один знакомый скинхэд мне сказал, перевожу насколько понял: победа в конкретной драке для меня важнее победы моей страны в войне. По сути, ведь подпольный человек.

♦ Хороший французский писатель Даниэль Пеннак написал роман о диктаторе и его двойниках. Первый двойник был слегка не похож на оригинал, второй, взятый на службу первым двойником, еще чуть меньше, и так далее, пока не появился человек лишь едва-едва напоминающий внешностью диктатора. Помоему автор недокрутил. Два выхода из этого замысла, как минимум, лучше того, что есть у Пеннака. В одном случае тиражирование двойников доходит до того, что двойником признается одноногая старая негритянка. Второй – появляется двойник настолько превосходящий достоверностью внешности диктатора, что у реального диктатора начинаются проблемы. И все кончается «Железной маской» для одного из них.

♦ Верховный суд Индии постановил, что именно и только «Веды» являются источником индуизма. Забавно, что в «Ригведе» нет ни слова о карме, переселении душ и т.д.

лении душ, и много раз, и с удовольствием поедают коров. Современный индус имеет слишком свое мнение о том, что есть индуизм.

Индуистская Троица вообще комична. Брахма, создатель, самый ничтожный из всех, один храм на весь субконтинент. Шива над ним измывается, руку отрубил. Шива хулиган, но зачем так с одним из своих. Зачем нужно, чтобы создатель, а Брахма именно что создает все, подвергался унижениям. И главное, даже не в отместку, как Зевс.

♦ Забавны «русские магазины» за границей. Там венгерские пятилитровые банки с помидорами, «Глобус», специальная чудовищная колбаса по 2.20, хлеб, грубые кирпичи непропеченного хлеба, как из деревенского магазинчика в 60-е. Березовый сок. В общем, концентрированное представление о родине не имеет ничего общего с современной системой торговли на родине. Тут ностальгия не географическая, а историческая. Причем, в стиле «другой истории». Потому что в таких магазинах нет главного, без чего все остальное чепуха – очердеи.

♦ Как все близко. Вице-спикер британского парламента обвинен в изнасиловании мужчины. Ну, это малоинтересно. Во-первых, что это за мужчина, что дал себя изнасиловать!? Почти наверняка подставился. Чтобы впоследствии «наехать» на честного гея. Но честность гея в том же сообщении была поставлена под вопрос. Оказывается, дядя в бытность парламентарием во времена Тетчер, голосовал за «питерский» закон, мол, нельзя пропагандировать гомосексуализм в соединенном королевстве. «Плакал, но голосовал», цитируют вице-спикера. Настоящая мразь. Предательство целого третьего пола. Если вдуматься, то этот англичанин ничем не лучше, а даже хуже, скажем, нашего Молотова, выдержанно снесшего арест своей супруги. Тетчер все же убила бы и не кастрировала бы, тогда еще молодого парня. Молотов же имел основания предполагать, что его бунт против вождя не закончится всего лишь разрушением его карьеры.

♦ 21 век на дворе! Сколько восклицаний в этом роде можно услышать. То есть, наступило некое время, когда кое что невозможно. И выясняется, что ни от чего возможного прежде 21 век не свободен. Да еще и кое-что новенькое можно наблюдать.

Мальчиком я радовался, читая о восстании рабов в древнем мире, как хорошо, что те времена миновали, мы живем в цивилизованном, мирном мире, а в это время резали людей где-нибудь в Конго и собирались резать в Сербии, Ливии, Ираке, Уганде.

Зарубки на теле времени невозможны.

♦ Русская критика всегда оценивает намерение, хвалит за намерение. Реальное достижение всегда для критики сомнительно, успех – вид коррупции, всегда вокруг успешного живого явления нашаривают раскнутчика.

♦ Примеры оксюморона: чистая грязь, горячий снег, умный мотоциклист...

♦ Любим (ненавидим, что одно и тоже) американцев, уважаем немцев, хотим понравиться французам, договориться с поляками, выпить с испанцами...

♦ Каламбурий – современный телевизор. Слова в заголовке в простоте не увидишь.

◆ Прогоркляя поговорка.

◆ «Силиконовые вершины» – роман о пластическом хирурге. Новоградок – городок этот вполне мог стать центром косметической хирургии, коррекции груди.

◆ Ницше написал – кошка независимее собаки, явно ставя кошку поэтому выше собаки, но ящерица независимее кошки, а устрица независимее ящерицы.

◆ Пение – обращение в прошлое, (говорение или что-то очень сиюминутное, или направлено все же в будущее).

◆ Трумэн за три месяца вице-президентства при Рузвельте виделся с ним два раза. Его сознательно не подпускали к принятию решений. Как только он до-рвался, началось: бомбу на Хиросиму сбросил, ЦРУ основал, Корейскую войну затеял.

◆ Костомаров: Хохлы не мстительны, но злопамятны ради осторожности.

◆ Умный человек прежде всего различает поводы и причины.

◆ В Венсенском лесу капитулировало правительство кайзеровской Германии. Армия нет.

В 45 году капитулировала армия, но не партия.

Японцы капитулировали правильно – и император, и генштаб.

◆ Вот говорят Сталин, Сталин, все так, но взять, например, уринотерапию. Был в СССР институт, занимавшийся этим видом лечения. Позанимался, позанимался. А потом выяснилось – шарлатаны, и все руководство в расход. Практически то же самое и с институтом крови Богданова. Кто-то скажет крутовато, но вы поговорите с иными пациентами иных колдунов и выпрямителей ауры.

◆ Мединский: предпослал своей книге цитату из Достоевского: «Хорошо если умная нация победит глупую». Но не Достоевский это, а Смердяков! Даже у Достоевского, с его бахтинским полифонизмом, есть персонажи, с мыслями которых автор не солидаризируется долее, чем на те мгновения, что надобны для нанесения их на бумагу. Проблема культуры – уровень культуры министра культуры.

◆ «Мы, медведи, высшая раса, наш долг перед динозаврами, людьми и попугаями – истребить эту заразу – тараканов».

◆ Гаишники не люди. Это инопланетяне, и, обирая водителей, они копят деньги для того, чтобы построить корабль и улететь с Земли. Остроумная идея в романе Глуховского.

◆ Любите сталь своих оков.

◆ «Когда я проснулся, динозавр все еще был там».

◆ Сало на саксофоне – украинский джаз.

♦ Старая сука (собака) Фрося. Когда-то, она, будучи молодой еще, разорвала покрывало, и теперь хозяину достаточно показать ей издали эту перештопанную ветошь, Фрося хватается лапами за лохматую голову – почти не фигура речи – и вздыхая, и постанывая, лезет под диван. От стыда, а не от страха. «Память, говори!»

♦ Чем дальше, тем вежливость я ценю больше искренности.

♦ Мысль, которая могла бы прийти в голову Талейрану: «Надо, чтобы о заговоре знали абсолютно все, потому что если кто-то не посвящен, то может все испортить».

♦ Переходящие мысли. Тонино Бенаквиста в «Саге» на мгновение выводит на сцену героиню, которая должна покончить с собой, и вот к ней кидаются окружающие, не гибни просто так, уговаривают погибнуть со смыслом. Чем не гражданин Подсекальников? Только Эрдман использует ситуацию по полной, а у француза это вполне проходной момент.

Кстати, там же Бенаквиста «цитирует» Райкина (Жванецкого, наверно), монолог, где рационализатор-идиот дает советы как нам поднять уровень жизни. К балерине привязать динамо-машину и т.д. Вряд ли Бенаквиста знаком с творчеством Эрдмана. Тема невольного цитирования многократно обыгрывается в романе так, что можно согласиться, что автор даже извинился заранее за все.

♦ Прогноз, это слух с высшим образованием.

♦ Невыносима лишь одна тирания – необаятельная. Кастро народ симпатизировал.

♦ Мы обладаем крупнейшими в мире запасами кваса.

♦ Наташа Ростова специально обучалась в петербургской школе очень русского национального танца, как и все дворянки того времени. Патриотизмом по-женски Толстой зря так уж восхищается, когда она пляшет русского после охоты. Постановочно.

♦ Во времена толстовского вегетарианства, гостил он у каких-то князей. Был выписан повар из лучшего вегетарианского ресторана. Приезжает Софья Андреевна. Хозяева сокрушаются: «Лев Николаевич плохо ест». Софья Андреевна велела нарезать тихо хорошего петуха, сварить щи на крепком бульоне и подать как вегетарианские. Аппетит классика тут же восстановился. Можно догадываться, как он воздерживался от мяса в домашних условиях.

♦ Омерзительное место в Хаджи-Мурате с описанием того как русские солдаты загаживают водоем в ауле. Это ведь дети, вырванные из своей жизни, которую они считают единственно нормальной, и любое чужое, даже святое и ценное для других, для них бессмысленно и даже враждебно. В данном случае главное, что называется, позиция автора. Ничего изначально высокого в водоеме аульном нет, как нет в аульном образе жизни, ничего изначально грязного в нанесенном оскорблении солдатами нет. Конфликт рождает насильственное совмещение двух образов жизни. Толстой пишет здесь, как все же дворянин, как крепостник, ему стыдно за поведение своих собак перед людьми чужого племени.

♦ Очень интересный человек Александр Яковлев. Кулацкий сын, отринувший кулачнину, решительно бросившийся в советскую карьеру. И Твардовский отрекался «от своих», но здесь что-то другое. Даже не отринул, как выше сказано, забыл, особым сном души, вывел из реальности старую свою жизнь. Служил честно новополюбленному, признанному над собой режиму. То, что он травил братьев Стругацких, как раз не странно, это странно из нашего времени, когда мы привыкаем видеть и тех, и этого как бы по одну сторону баррикады. Не странна статья «Вопросы историзма», брошенному, отставленному, преодоленному родному надо было показать зубы. Надо было убедить и себя, что оно, брошенное, было ужасно, беспросветно, мерзостно.

Движение вверх по карьерной не прямой тропе звучит как нарастающее крещендо. Кулак, вспомнивший, что он кулак, и лошадок своих, и мельницу папкину, и – месть, страшную месть этому режиму, заставившему столько кланяться, столько ползать на брюхе, многократно предавать родное и своих. Такой режим должен быть уничтожен. И жирное, мятое, хромое самодовольство. Грехи против олиберальные ему прощены. Цель жизни – месть за отобранную мельничку состоялась, да еще под флагом спасения России от бед, в высоколобой, докторальной позе. Дэнсяопинство, хреново. Омерзительный, но сдобный характер, особенно внушительный в той центральной, замороженной части «честного» делания отвратно-желанной партийной карьеры.

♦ Цензура, если еще нет Бабенко, «Игоряша, золотая рыбка».

♦ Хлебников. Все же это не до конца воплощенное, звуки не полностью, если по Блоку, вырванные из немоты. Слишком любить Хлебникова, это поклоняться тому, что не недопропроизошло, и уже никогда не произойдет. Все равно как оплакивать потраченные впустую сперматозоиды.

♦ Пикассо как-то спросили, каким образом его художественные идеи доходят до зрителя. Через новую форму унитаза, ответил честный художник. Искусствоведы истолкуют, то что появится на картинах очередного периода, дизайнеры почитают искусствоведов, производители ширпотреба прислушаются к дизайнерам и т.д., и вот вам новый унитаз.

Кафка-майка на Карловом мосту. За Кафку все же как-то обиднее. В Пикассо где-то заложена эта готовность скатиться до сантехники. Даже само это трезвое и точное рассуждение возможно, только ввиду имеющейся внутри червоточины. За Кафку обидно. Он был бескомпромиссен. В этом, в значительной степени, его сила.

Окоатль Никарагуа, Герника 1926-1936

♦ Я собрался писать о белорусских партизанах. Надо думать о болотах, карателях, а в руки берется к примеру, то Л.Витгенштейн, то Кутзее, то Панченко о «бунташном веке, то «Спорт, вообще, экспресс». И, странным образом, к решению проблемы приближаюсь. С очень неожиданной порой стороны. Раньше возмущался этим своим «отлыниванием» ума от намеченной цели, а потом понял – получая задание, сознание начинает его выполнять, меня раздражает как раз то, что сознание подчиняется, но своим способом.

♦ Делай что хочешь и будь что будет – современный лозунг.

- ◆ – На меня где сядешь там и слезешь.
- А я просто хотел посидеть на тебе стоящем, и все.

◆ Лет до 18 все стояло, история, литература, политическая карта. Теперь все течет, только я стою. Даже во что-то врастаю.

- ◆ Знание законов не спасает от безответственности.

- ◆ Дул бы ты в Дубулты!

◆ Цензура при Ельцине. Книги подписанные Хасбулатову. Стихи в честь Сталина.

Музей Сахарова у Курского вокзала. Сколько раз проходил мимо – ни единой души. Сваренный из железных листов памятник похож на изображение мук, которым хотели бы подвергнуть Андрея Дмитриевича самые радикальные его недоброжелатели.

«Загадка Прометея» Лайоша Мештерхази.

◆ Был у нас в деревне бобик. Кудлатый, невзрачный, не шибко умный. Но однажды его случайно застали за одним забавным занятием. Получив свою миску с едой, он съедая часть, выхлебывал жидкое, а то, что можно было утащить в зубах, утаскивал куда-то. Оказалось, что через две улицы в будку к ошенившейся суке. Хозяйка ее сказала, что у нашего бобика был роман с ней, и щенки плод этой любви. Может и придумала, только никакого другого объяснения этого феномена в голову не приходит.

- ◆ Карма. Гусев идиот. И грехи отпускает не священник, а инстанция повыше.

- ◆ – Ты спал с ней?

– Зачем ты ее оскорбляешь. С ней нельзя заснуть ни на секунду.

◆ Астрид Линдгрэн была в молодые годы знакома с Герингом. Образ Карлсона списан с будущего рейхсмаршала. Фрекен Бок пытались слить с Раневской – «красота страшная сила», как это влияет на мое восприятие «Карлсона»? Литературоведение и вокруг имеет отношение к литературе.

Скучная история и Биография Чехова.

◆ Экзюпери – есть только одна задача – вернуть человечеству духовные заботы. А как это можно без Бога? Можно без него прожить весело, даже правильно, полезно, но это будет лишь везение. Духовно, это когда правилен сознательно.

Без очереди, как Будто Он не знает, что ты пролез за деньги.

В московских церквях тоже имеются пояса, и на постоянной основе, но к ним не стоят очереди. Идентичность не имеет значения. Впрочем, отдельных девушек и дамочек понять можно – они приезжали покрасоваться в новых шубах, это извинительно. И политиков можно понять, у них свои «шубы». Только отстоявший сутки на сыром холоде прикладывался к подлинному поясу. Удивили больше всего те, кто пробирался к поясу не с публичной, не с рекламной целью, а именно как к христианскому артефакту, вроде как верующие. Кого они хотели обмануть? Им-то должно быть досконально понятно, что ОН видит все.

♦ В политику идут плохие люди. Я не пошел в политику, значит я не такой уж плохой? Но я-то себя знаю. С другой стороны, если представить, что там, наверху люди еще хуже меня. Чего же мы тогда все ждем здесь внизу, занимаясь своим «настоящим» делом. Что ты тут внизу не изобрази, все равно какая-то каналья там наверху приспособит эту штуку для своих целей.

♦ Большому кораблю большой айсберг.

♦ После того, как достойного служаку Баркляя сняли с должности, и тот, вполне понятно, загрустил, Ермолов ехидно замечает: «Велики должно быть огорчения». Паскудное, правда не скажу, что чисто русское, есть в этом ехидстве. Знает же, что наказывать шотландца не за что, армию спас, так нет, все равно ткнем, только за то, что не свой, хоть и на нашей стороне.

♦ Невежеством считается незнание наук, а дикое незнание религии невежеством не считается, а оно сплошь и рядом.

Люди современные прогрессивны, чаще всего, на основании чудовищного невежества в религиозной области.

♦ Граница до которой можно дойти в изображении человеческого убожества. В литературе это отлично чувствовал Достоевский. Когда Ставрогин с Шатовым приходят на квартиру к Лебядкину, там его недоумочная сестра. Описывая ее, писатель указывает между прочим, что у нее были великолепные зубы. Разумеется, если бы у Лебядкиной были бы зубы гнилые, этого не оправдал бы никакой Достоевский. «Зубы у него как жемчуга».

♦ Настоящий классик, это такой писатель, который присутствует в разговоре о литературе, даже когда не говорят именно о нем.

♦ С американцами, с англичанами у нас много общего, хотя бы наша многолетняя вражда.

♦ Самый распространенный вид репрессии – границы. Попробуй поехать в Англию по своему желанию, или в США. Тебя наказывают невъездом, ничего не объясняя. Почему кто-то решает, могу я реализовать свое природное право на свободу передвижения или нет. Почему волонтаризмом Советов по отношению к гражданам России все возмущались яростно, а волонтаризмом американцев возмущаться не принято.

♦ Смелый солдат, который хамит сержанту, пользуется уважением сослуживцев – орел! Потом выясняется, что просто у него дядя комбат. Солдатик превращается в презираемого и никак не может понять – в чем дело. Начинает ненавидеть армию, как таковую. Грубые в армии люди, не уважают свободного человека.

♦ За вредность надо давать не молоко, а яд.

♦ Тягловое крестьянство. Плита крепостного права, это и есть та тяга земная, что не вытянуть и Святогору. Этой тягой на периферию русской жизни выдавлены все яркие, оригинальные, свободолюбивые – казачество, интеллигенция, все эти Стеньки Разины, Курбские, Солженицины и т. п. Но основной груз государствен-

ности несли они, тягловые. Безропотно. Кстати, такие «тягловые» найдутся и не только за сохой, возьми хоть Королева, Курчатова, Георгия Свиридова, старшего Бондарчука. А остальные, тонкие, оригинальные, их презирали. Не понимая, кому обязаны своим существованием.

◆ Рязановские фильмы, начиная с «Гаража», как будто с каплей гноя в замысле. Цензура не просто загоняла фиги в карманы автора «Берегись автомобиля» и «Иронии судьбы», не в вырезании эпизодов дело. Станным образом она работала, как «часть той силы, что вечно хочет зла, но часто совершает благо». Выкручивая руки, лишая свободы художника, она вынуждала его попробовать найти хорошее в той жизни. И «они», свободомыслящие, либерально настроенные, с отвращением обнаруживали, что оно «хорошее» есть, и они способны его выдать на экран. Они были выпотрошены, изнасилованы требованиями цензуры, но зритель получал нечто очаровывающее. Сомнительная, особенно с точки зрения творца, диалектика. Но диалектика.

И Рязанов, и Гайдай, про более мелких не будем говорить, получив полную свободу самовыражения, просто лопнули как глубоководные рыбы, вынутые на поверхность. Наступание на горло своей песне давало питательные плоды. «Свобода» выбросила на экраны этих невнятных «Кляч», «На Дерибасовской хорошая погода». Могут сказать, что старики просто выдохлись естественным образом к этому времени. Но и отрицать, что крах художников совпал с крахом системы, тоже ведь нельзя.

◆ Аполлинария Сулова. Если бы не роман с Достоевским, никто бы про Аполлинарию и не узнал, или, во всяком случае, о ней знали бы меньше, чем о ее сестре, первой женщине нейрохирурге в России, ученице Сеченова. Художник Верещагин и его брат деятель вологодского масла. В конце концов, Пушкин и Воронцов. Художника всегда оправдают и выставят на первый план. Художник может обидеть всякого.

◆ Природа пощадила Шукшина и Высоцкого, не дав дожить до Перестройки. Жутко себе представить Высоцкого с гитарой на ельцинском танке, а Шукшина у микрофона в белом доме рядом с Хасбулатовым.

◆ «Открытая форма туберкулеза», если вдуматься, опаснее чем еще не открытая, она убивает анонимно.

◆ Метаметафорист Алексей Парщиков писал для филологов. Если вдуматься, в конечном счете, все пишут для филологов, только неплохо бы, чтобы в судьбе текстов был период, когда они очень нужны обычным читателям.

◆ Николай Васильевич Гугл – креативный автор. Иосиф Броский – современный яркий поэт.

◆ Компания за столом. Шестидесятники. Среди гостей симпатичные женщины, разнообразные мужчины. Один особенно хорош. Мужественный. Жесткий, загадочный, но увлекается среди прочих дам одной, замухрышечной, ну ничем не привлекательной. Выясняется, что он из «сталинских палачей», а замухрышка дочь репрессированного. Палач не может расстаться с жертвой, она для него драгоценность.

♦ «Нам не надо ни ваших законов, ни ваших денег» – лозунг 1968.

Нынешние юниоры кричат иначе: дайте денег и отвалите. И даже грубее.

Тех испугался даже де Голь, эти пугают абсолютной обыкновенностью. Современные европейцы, это то, что осталось от человека, когда в нем все человеческое кончилось.

♦ В ИГИЛ многие (процент пока не понять) бегут не от глупости, как думают у нас тут некоторые. Бегут отличники, имеющие возможность нормально встроиться в современную им жизнь. Так вот, именно этого они и не хотят – встроиться в «эту» жизнь. Она им противна. Она для них ад. А там в сирийской пыли страшная, грязная, кровавая, но жизнь!

♦ Почему понедельник «трудный день»? В понедельник был рожден дьявол, между прочим.

♦ Хочешь быть начальником? Учись подчиняться.

♦ Будущее как власть. Заигрывание с будущим. У Будущего свои лизоблюды и блюдолизы. Попытка заглянуть в глазки начальства – одна из составных частей любого, или почти любого авангардного искусства. Только само «начальство» особого рода. Оно не правитель, не денежный мешок, делается вид, что его вообще нет. И заигрывание перед ним должно напоминать мятеж. Хотя, если разобраться, то это смелость перед лицом сержанта, с уверенностью в том, что эта смелость угодна полковнику. Как вариант – «Над пропастью во ржи» – заигрывание с молодым поколением. Набор властей, перед которыми художник лебезит – очень большой. Перед женским полом – «Код да Винчи». Бунт против уже имеющихся видов тирании – государство, церковь, очень часто только стремление продемонстрировать свою причастность к некой группе бунтовщиков. Моськи лают на слонов, потому что безопасно, моськи лают на слонов, чтобы не потерять статус мосек. Человек не может без каких-то «своих», ради своих он готов быть против всех.

Чулпан Хаматова и Евгений Миронов, и Путин. Попытались промолчать в присутствии слона, так стаи мосек накиннулись на них. Власть тусовки, шипящей жестче власти властей предрежащих.

♦ Душа язычника, считают некоторые, это птица, прилетающая из тьмы, промелькнувшая в пламени светильников и вылетевшая опять-таки во тьму. «Я бы, – пишет Ивлин Во, – представил себе птицу, запертую в темной комнате, которая топчется там, чувствуя, что за окнами яркий день, и ей до него никак не добраться». Примерно так.

У Набокова другой образ. Он развенчивает метафору – жизнь это путь. Мы, мол, никуда не идем, мы сидим дома, а окружающая нас тьма колеблет занавеси, закрывающие окна.

А вдруг это не тьма колеблет. Откуда эта уверенность, что тьма и откуда уверенность, что ты сидишь дома, и, главное, сидишь в светлой комнате?

Честертон рассматривал человеческий мир, как маленькую освещенную полянку, вытопанную в огромном враждебном лесу. Вроде бы тот же самый образ, что и у Набокова, но не нет едва уловимого набоковского самодовольства.

«Когда-то звезды в небе казались мне другими мирами, к которым полетят космические корабли из Солнечного города. Теперь я знаю, что их острые точки – это дырочки в броне, закрывающей нас от океана безжалостного света». Пишет современный отечественный автор.

♦ Кузнецов «Атомная сказка». Дерево познаем по плодам. Патриотические литераторы решили, что получили от своего главного поэта-мыслителя разрешение ничему не учиться, ничего не читать.

♦ Сибирский писатель Распутин, переделкинский поэт Евтушенко, «Прощание с Матерой», «Братская ГЭС». Трагедия прогресса разъята на части, показана с разных сторон. Нужен другой уровень, чтобы объединить в единое нечто. Высокая трагедия, а не утробный плач против барабанного энтузиазма.

♦ Рубашов, «Слепящая тьма», даже если такая фамилия будет кем-то выискана в каком-нибудь телефонном справочнике, я не перестану чувствовать ее искусственность. Выдуманность фамилии главного героя, мера выдуманности романа.

♦ Большие религии запрещают: самоубийство, инцест, мужеложество, канибализм.

Древние глупости эти преодолены, или вот-вот будут преодолены. Эвтанизация начала пробивать себе дорогу и пробьет. Но тут разговор трудный – мы не знаем этих болей, и пусть там Бог решает, кто прав, кто просто был капризен и нетерпелив.

Инцест: уверен, скоро появятся парады под лозунгом: «А я сплю с моей мамой!» Потолки не упадут. Это все есть, но пока под одеялами.

С гей движением все и так ясно.

Остается одна трудная тема – канибализм.

Хотя почему трудная? Надо просто разделить для начала людоедство и убийство. Некто завещает свое тело на съедение друзьям. Они не совершат никакого преступления, если выполняют эту волю. Осталось найти тех, кто захочет. Почему-то у меня подозрение, что если все это подать как следует, желающие найдутся. Хотя бы из тех, кто хочет быть впереди планеты всей.

Уж лучше балет «Лебединое озеро» круглыми сутками.

♦ Тетя Дуся в возрасте под семьдесят задумалась о смерти. Первая книжка попавшаяся ей под руку «Откровения и путешествиях по векам» некой Анастасии. Уверовала в Анастасию насмерть. Так цыпленок вылупившийся из яйца, если ему подсунуть вместо курицы мяч, считает, что мяч это его мать.

Попытался отобрать «мяч» – тихая ярость в ответ. Ни логика, ни ирония здесь не помогут.

И потом, почему я решил, что именно помогаю? А вдруг я, отбирая «мяч», не «мать» возвращаю тете Дусе, а, скажем, «кирпич».

♦ По дороге в деревню по расторгуевской дороге часто попадается на глаза надпись на какой-то стене в толпе зданий – «Бирюлево правит миром». Первый раз посмеялся, а потом задумался, а вдруг уже и правда правит. Что мы, в сущности, знаем о мире?

♦ Доцент Безъязычный учил нас в Литинституте на лекциях по редакторскому мастерству: «Если вы видите в тексте – Волга впадает в Каспийское море, не спешите исправлять, а вдруг, пока вы спали, она уже впадает».

♦ Точность перевода. Какая степень точности может быть достигнута при переводе поэтического текста. У нас на курсе в том же Литинституте был йеменец Мифа Абдурахман, абсолютно чернокожий араб. Он необычайно много пил для мусульманина и переводил текст, очень важный для человека его образа жизни. Он переводил «Черного человека» Есенина. И в некоторых частях, как я понял, однажды разговорившись с Мифа (все помнят эти строки: «Черный человек на кровать ко мне садится, черный человек мне спать не дает всю ночь!»), в обратном переводе с арабского, текст звучал так: «Белый человек на кровать ко мне садится...»

Или вот пример из Клайва Льюиса: «Это было так же неудобно, как праворульное движение». При первом прочтении я не обратил внимание. А потом сообразил, что переводчик написал противоположное тому, что было в английском оригинале. В Англии праворульное движение, значит, в оригинале речь шла о левом руле. Но если бы переводчик перевел точно, русскому читателю было бы непонятно. Вот как бывает, вкладывая в перевод обратный смысл, добиваетесь абсолютной точности перевода».

♦ Американского посла убили ровно 11 сентября, примерно через год после убийства Каддафи. Что-то эстетически законченное есть в этом факте. Реальность отомстила Америке как человек. Тарантино правит миром. Убить Билла.

Мечь, нестерпимая жажда мести – самое часто и искренне реализуемое нынче в кино и не только чувство. «Христианство устарело» и сразу следует отступление на линию морали, где «око за око».

«И надо заметить, что «око за око» это далеко не дно. До уровня «око за око» надо было подняться. Прежде же, если тебе выбивали глаз, ты выбивал жизнь из гада, и не считал, что делаешь больше, чем положено».

♦ Есть ли у человека что-то такое, чего нет у Бога? Способность умереть. Ницше ляпнул красивую глупость.

♦ Боевой дух – Квантунская армия несколько лет ждала столкновения с Красной армией. Огромная, под миллион человек, окопалась лучше, чем современные игольцы в Сирии. Когда армия Мерецкова чуть ли не на горбу перетащила через Сихоте-Алинь свои танки, японцы дали последний и решительный бой. Гибли не сходя с места, никто не сдавался в плен, зубами вгрызались, и это было все ни к чему. С Западных фронтов приехали такие военные волки, что против них уже ничего не работало ни смелость, ни готовность погибнуть.

♦ Цивилизация всегда на стороне жизни. Заботится об оправдании женщины, сделавшей аборт, требует пристойных условий существования для преступника, совершившего убийство. Логично. Ведь абортированный и убитый уже не существуют, а мать и преступник живы. «Только жизнь имеет значение», как сказано у Люка Бессонна. Нельзя морально изводить женщину, совершившую аборт, нельзя физически мучить убийцу, раз суд приговорил его к лишению только свободы, это с точки зрения цивилизации бессмысленная жестокость. Мучения матери и преступника ничего уже не изменят в судьбе и самоощущении абортированного

и убитого, ибо таковых нет. Ни субъектов, ни их ощущений. Поскольку «там» с современной точки зрения ничего нет, то все внимание к тому, что осталось «здесь». Здесь осталось право женщины на счастье, в предстоящих еще годах жизни. Здесь пребывает и убийца, и его нельзя лишать шанса.

Тот, кто попытается отомстить за убитого, убив убийцу – преступник, потому что выходит за границы, признанные нынешней цивилизацией. Он действует от имени того, что нынешняя цивилизация признает не существующим.

Интересно, что не родившиеся в этой системе защищены даже хуже убитых. Никто ведь не мстит женщине, сделавшей аборт, за убийство. А ведь даже у не родившегося есть родственники. То есть, пустота до существования, пустее той, что будет, по представлениям нынешней цивилизации, после существования. Тогда, получается Набоков не прав, говоря, что «жизнь только луч света между двумя идеальными черными вечностями». Принятые на территории «жизни здесь» правила и обычаи свидетельствуют, что по отношению к нашим ощущениям вечности не идеально одинаковы.

Можно сказать, что абортированный и убитый не в одинаковой степени субъектны. Плод все же не вполне человек, но это отговорка. Кажется, доказано, что плод с какого-то момента обладает не только бьющимся сердцем, но и психикой.

♦ Люди не только знают, что Волга впадает в Каспийское море, но верят в это. А если их заставить верить, что уже впадает в Черное? И они поверят. Куда она будет впадать?

♦ Деталь. Вроде бутылочного горлышка у Чехова – как показать ночь. Как показать север? Двигатели тракторов и других машин запускают в октябре и глушат в апреле, потому что если заглохнет в январе – можно вообще больше не завести.

Голод – после снятия блокады ленинградских школьников целыми классами приводили посмотреть на кошку, которая сохранилась в одной из семей на Васильевском. Остальных горожане съели.

♦ Один из моих друзей поэтов как-то раз произвел на своем выступлении большое впечатление на дочь одного из наших знаменитых маршалов. Разговорились, условились о встрече. Очень недвусмысленно все. Поэт долго маялся странными терзаниями – все же дочь народного героя. А у него не любовь, а только поэтический интерес. Правда, женщина привлекательная.

Пошел. Цветы бутылка. Дома все готово – цветы, свечи. Неловкость, бутылка вина была, как водится в таких случаях, закупорена очень туго. И тут вдруг гаснет свет. Пробки. И тут же удары кулаком в дверь, деревянная гулкая дверь. Поэт наш ни жив, ни мертв. Идут вместе открывать, а там на площадке – полковонец, скульптор притащил макет памятника и побежал вниз за чем-то.

Поэт тихо сбежал. Такой вот каменный гость.

♦ Нетрадиционная ориентация. То есть, геи считают, что мужчины с женщинами спят по традиции, что-то вроде файв о клок. Здесь не в природе дело, а только в распространенной общественной привычке.

Можно сказать чистую правду, но при этом впасть в неточность. К примеру: дважды два меньше девятнадцати! Это правда, но это неточно.

♦ Казалось бы – образованнейший человек Борхес. Недавно случайно попала в руки старая его книга «Письмена Бога», а там статья про буддизм. Такого количества глупостей в одном месте, посвященных важному предмету, я давно не встречал. Ну, то что он называет буддизм религией, а не учением, простим, так уж сложилось, хотя смотрителю библиотеки неплохо было бы знать разницу между религией и учением.

Больше позабавил блаженный треп старика про абсолютно ненасильственный характер буддизма. Что творили господа буддисты-ламаисты, хотя бы во времена Унгерна в Монголии! Разрубание груди врага, вырывание и пожирание живого сердца, чем это отличается от поведения исламистского командира, что сожрал сердце врага в Сирии перед камерой. А нынешняя Бирма?! Буддисты жгут мусульманские деревни, со всем населением. И похожих фактов полно.

Еще момент, в учении Будды, в изначальном учении, ни слова о метемпсихозе. Только под страшным давлением индийской действительности, пришлось буддизму принять в себя эту доктрину.

Умирая, Будда говорит ученикам, что его, Будды, в сущности нет, он оставляет ученикам свое учение. Вообще лучше забыть о существовании человека Будды. Но тогда откуда будут последователи знать, что учение называется «Буддизм»? Вообще, как они будут определять, что они исповедуют, чему следуют, и вообще есть ли оно. И главное, если все-таки нынче существует и слово буддизм, и учение буддизм, это стопроцентное доказательство, что ученики оказались не верны заветам учителя, извратили учение. Остается только уповать на то, что смысл учения Будды, в том, чтобы ученики обязательно его извратили.

Встретишь Будду – убей Будду! Наталкивался на такое выпрежнее, идиотическое заклинание в буддийских текстах. Будда умер своей смертью, это известно, Значит, что он никого не встретил в своей жизни? Или никто не выполнил заповеди. Значит, последователей нет.

Но Бог с ним с самим буддизмом, допускаю, что чего-то не постигаю в этом восточном способе производства мыслей, но уж Борхес, человек одной со мной культуры, и я не могу не отметить какой это манерный дурак.

♦ «У озера». На примере этого фильма можно представить себе условия существования художника в условиях советского союза. Фильм хороший, снят очень сильным режиссером Сергеем Герсимовым, его экранизация «Тихого Дона» несомненный художественный шедевр, но обратившись к современности, он оказался в ловушке. В фильме ставятся глобальные вроде бы проблемы: борьба прогрессивного и отсталого, сколько стоит цивилизация, не теряем ли мы душу, строя вторую технологическую реальность. Слышится рядом твяканье Вознесенского – все прогрессы реакционны, если рушится человек. Все, как бы так. Разговор в самых заоблачных философских высях, а на самом деле, суть в том, что тот завод на Байкале, из-за которого весь сыр-бор, не целлюлозный комбинат только лишь, а производство самых современных взрывчатых веществ. Без байкальской чистоты не могут обойтись военные, но об этом сказать ничего нельзя, и весь фильм становится всего лишь умственной ужимкой.

♦ Парамайдан после майдана.

♦ Ад для художника – Джойса – заставят «там» вечно читать «Поминки по Финнегану», а Германа, не открываясь смотреть «Трудно быть богом». Чистилище – это когда ты можешь выбрать, и не только из своего.

♦ Искусство так или иначе вышло из храмового культа. Современное искусство предельная степень выхолащивания его. Перформанс – последняя тень литургии, инсталляция – уже абсолютно бессмысленная возня с церковной утварью, когда и возящиеся забыли что откуда.

♦ Литератор Анатолий Парпара рассказал случай. Возвращается он в Москву под вечер. Вышел в тамбур покурить. Электричка останавливается. На перроне стоит очень красивая, просто необыкновенно милая девушка. Он улыбается ей, она в ответ открыто и светло улыбается ему. «Девушка, поедemте со мной!» – Разумеется, шутка. В ответ ожидая, что-то вроде: «Сейчас, разбежалась!» Или: «А у меня уже есть попутчик». Она вдруг, не говоря ни слова, входит в тамбур. Поезд трогается. Вагон полупустой, они садятся друг напротив друга. Герой затевает обычный в таких случаях охмурительский треп. Она слушает и кивает в самых неожиданных местах. Улыбается, отвечает на обыкновенные в такой ситуации вопросы с какой-то непостижимой, даже пугающей откровенностью. Одним словом, через десять минут, герой понимает, что перед ним просто блаженное существо. Невероятно привлекательное, дружелюбное, даже сексопильное, но явно чуть не в себе.

Поезд несется к Москве, вот уже Чертаново, вот уже Москва-сортировочная. Герой тянет разговор по инерции, с некоторым страхом понимая, что девушка психологически привязывается к нему, они уже в каких-то «отношениях». Как минимум, он не может просто так раскланяться с ней на Павелецком перроне и пойти по своим делам. На вопрос, откуда она и к кому едет, она только восхитительно улыбается.

Что со всем этим делать?!

Герой выходит с девушкой из поезда и направляется в отделение милиции, чтобы сдать ее с рук на руки. Там долго, не могут понять, чего он от них хочет. Сутенер сдает на хранение проститутку? Это максимум на что хватает их воображения, это очень чувствуется из их двусмысленно звучащих вопросов. Нет, случайная попутчица. Куда и к кому едет, не знаю. Откуда едет? Села в Расторгуево. Откуда попала туда, не знаю. Она улыбается, подтверждая, что про нее говорят правду. В атмосфере привкус непристойности, менты пьяноваты и неприятно оживлены. «Ну, я пошел».

Как только он выходит, из-за двери взрыв отвратительного хохота. Возвращается. Нет, я сам ее провожу. Тут уж менты заинтересовываются – куда? Доверился представителям власти – терпи. Нет, я провожу. Извини, дорогой, она тебе никто, сам говорил, и мы не можем позволить чтобы... И тут девушка сама берет героя за руку и говорит, что она пойдет с ним. И обезоруживающе улыбается милиционерам.

У героя, естественно, сложная житейская ситуация. Жена, любовница, друг. Он собирается вернуться от любовницы к жене, друг – его подчиненный, подло подставивший его по работе, которого объективно надо выгонять.

Вечереет. Куда вести блаженную?

Князь Мышкин в юбке.

Вечерняя Москва.

♦ «Цивилизация начинается с улыбки», – сказал зачем-то Розанов, от него этого не ждали, лучше бы сказал это кто-нибудь другой. Розанову эта мысль как бы не идет. Кстати, по мнению в общем-то кажущегося все же скорее добродушным фантаста Рэя Бредбери (страшненького у него хватает, но все же у него не полный хоррор), цивилизация кончится улыбкой, см. одноименный рассказ.

♦ Одна из главных фраз у Достоевского – «смирись, гордый человек!» Если судить по памятнику Федору Михайловичу у библиотеки им. Ленина, то он сам представлял собою человека, смирившегося. На самом деле, нет! В своем литературном поведении он, несмотря на каторжную работу за своим писательским станком, часто сложные отношения с издателями, оставался фигурой все же вполне независимого вида. Как минимум на фоне таких господ как Писемский, который так расстроил Федора Михайловича своим униженным заискиванием перед Герценом.

♦ В Англии мог бы победить нацизм, но только при одном условии, если бы он до этого не победил в Германии. Англичане не могли согласиться стать ведомыми в этой паре, стать учениками у немцев. Уж лучше победить нацизм, чем признать первенство немцев. Так же, если бы Французская революция была раньше английской, англичане никогда не стали бы буржуазной нацией просто ради того, чтобы не подражать французам. Голландский пример не обиден, воровали идею не у ровни, но обошлись с голландцами довольно жестко. Достаточно сказать, что Нью-Йорк назывался изначально Новым Амстердамом. Отобрали у голландцев и переименовали. Да и вообще, такое впечатление, что все придуманное голландцами, англичане считали своим. Ведь это голландцы создали подвижный, юркий, технологичный флот нового поколения по отношению к громоздкому испанскому. Англичане хапнули эти достижения и уже сами, развивая голландские флотские идеи на новом уровне, преодолели испанскую гегемонию на водных полях. Или вот вам Оранжевая и Трансвааль. Африканеры, то есть, те же голландцы открывают золотишко, и тут же окрик англичанина – отдай!

♦ Галич, «Вас вызывает Таймыр», почитавшийся, видимо, автором как вынужденная халтура, в чем-то даже точнее показывает эпоху, чем антистукаческие песни того же Галича. Люба Попова едет на Таймыр «завтра», пришли мыться в гостиничный номер дети с мамашей. Дюжиков. Как бы он, Галич, мучился, узнав, что даже беспредельно халтуря, он выражал правду времени. Что это за сила, что вынуждая лгать и разрушая душу лгущего, кому-то дает возможность облиться слезами. Каким ядом питается иногда вымысел. И насколько наплевать на это питающемуся результатами вымысла.

♦ Бестселлер Нью-Йорк таймс Фридмана «Следующие 100 лет». Турция вырастает в мирового лидера и где-то лет через 30 нападет с Луны на США. Причем, вместе с Польшей. А тут бунт в Стамбуле, взрыв в Анкаре, воспалились бесчисленные – их миллионов 20, курды, и кто знает, что будет с Турцией. Сводимый с ума османской гордостью психопат Эрдоган дальше, чем когда-нибудь от союза с Польшей и от космоса тоже.

Вспоминается поездка в Америку в 1990 г. На каждом заседании обязательно графики на сцене – в каком году Япония перегонит США? Сомнений в том, что перегонит, не было ни у кого, даже у принимавших нас американцев.

С Китаем будет то же самое. Я этого торможения Китаю, тем более обвал обвалов не желаю, слишком мы с ним сплываемся в строительстве Новой Евразии, но, по-моему, его не избежать.

Материальный коллапс современного мира – у каждого китайца американский дом.

Во время той же поездки видел в американском доме карту мира, посередине американский континент, а Евразия разрезана на две части и глядит с краев ли-

ста. Непреднамеренный символизм. Америка по своей вине впадает в извечный геополитический кошмар Германии – войну на два фронта. Разъединенная на карте в политическом измерении Евразия медленно, но объединяется во что-то союзное.

♦ «Остров свекровищ». Детектив, женщина, собирает в доме для престарелых, например, всех матерей своих прежних мужей и сводит с ними психологические, может и не только, счеты. Маменькины сынки испортили ей жизнь. Она устраивается в дом престарелых главврачом. Основные характеры тиранических женщин. Феминизм на марше, у своей пропасти. С наступающим партеногенезом, дорогие подруги! Мы не рабы, рабыни мы!

♦ Последний роман Пелевина – странное зрелище: духовная жизнь в отсутствии Бога. Картина душераздирающая.

♦ Повесть о настоящем молдаванине.

♦ Помню в каком-то романе, где беседуют представители утопического государства, абсолютно демократического, все жители зажиточны, и даже у самого бедного землепашца не менее трех рабов. Если отставить комический эффект заявления, то станет ясно – вся последующая, со времен античности, история – попытка найти замену трем рабам. Пытались назвать по-новому – крепостные, наемные рабочие; пытались заменить техникой; позитивизм, наука, изобретения, механизация – станки, конвейеры, роботы. Но все равно, кто-то работает на кого-то. Пытались их, как можно дальше, развести в пространстве, хозяина и работника. Лондонские банкиры и хайдарабадские ткачи, одни богатеют, другие вымирают. Прогресс есть, но несправедливость никуда не девается, только передевается.

♦ Дожили, они глушат российское телевидение, основание – пропаганда. Ученики Суслова! Дошло до того, что московская пропаганда почти не врет. Что же вы там такое учудили на Западе, если такое стало возможно?

♦ Мораль это то, что говорят «они» о тебе. Нравственность – то, что думаешь ты о том, что делаешь. Чаще после того, как уже сделал. Мораль – старушки у подъезда, обсуждающие тебя с твоей девушкой. Нравственность запрещает тебе воспользоваться своим положением, когда уже привел девушку к себе и понял – она не расположена к продолжению.

♦ Женился старый друг на относительно молоденькой. Она смотрит на него с восторгом. Я сказал ему об этом, он обрадовался. Зря обрадовался. Лучше бы она смотрела на него с любовью. «Не путайте восторг и вдохновенье».

Толстой опять не прав. Счастливые семьи как раз счастливы бывают очень по-разному. Набор несчастий ограничен. Она разлюбила, он разлюбил, не хватает денег.

♦ В настоящей прозе в завораживает неумолимость действия, важная добродетель прозаика – предусмотрительность. Строительство сюжета – подстиление соломки во всех нужных местах.

* * *

Алесь – не лезь!
 Не лезь Алесь,
 Алесь! Алесь!! Алесь!!!
 А – лезь.

◆ Персидский царь Дарий I замышляя союз с мощными торговыми городами Тиром и Сидоном, уговаривал хананеев-финикийцев отказаться от их жутких обычаев, предусматривающих человеческие жертвоприношения. Прогрессивный царь.

◆ Великий пост-модернизм, 18 марта 2013 г. Демонстрация в Берлине против сноса Берлинской стены.

◆ Странная уверенность, что мировой прогресс это единый процесс, идущий повсеместно, но с разной скоростью, и нынешнее положение вещей это вершина этого всемирного процесса. США, всем нужно немного США повсюду и везде. И эта страна имеет право подтягивать отстающих и даже наказывать, если совсем уж ленятся и выпадают из общей схемы. Они единственные, они вершина.

Гегель уже ошибался: мировой дух опрокидывает себя в историю и возгоняется до состояния прусского королевства, а на вершине король, а выше вершины сам пан Гегель как цель мирового процесса. Так он хоть Гегель. И сколько же еще будет идиотов в жизни человечества после падения США, которые будут уверены, что они вершина.

◆ Жена камикадзе, прощаясь с мужем, отправляющимся в полет: «Береги себя!»

* * *

Повстречался я как-то с расистом,
 Оказался он очень рысистым,
 И быстрее коня
 Ускакал от меня
 И рассеялся в поле росистом.

◆ Хью Оден «Лекции о Шекспире»: «Макбет – самая известная пьеса Шекспира». Мы явно живем в чуть-чуть другом мире, у нас самая-самая пьеса, безусловно, «Гамлет». «Макбет», что называется, топ-пьеса, но никак не особеннее «Отелло» или «Ромео и Джульетты». Впрочем, это заявление может быть лишь личным глюком большого поэта.

◆ В день коронации голландского короля Виллема-Александра в квартале красных фонарей были в ходу оранжевые презервативы.

◆ За такую погоду надо наказывать.

◆ Мадам де Сталь, та знаменитая, оказывается была дочерью крупнейшего финансиста того времени Неккера, дело не только в особых личных качествах.

◆ Фестиваль ВРИО

♦ Татьяна Ларина – женский русский характер лежащий в основе нашего национального самоощущения. Анна Каренина – Татьяна, вышедшая замуж за того, кому на веки отдана, но вторую часть завета – буду век ему верна – не выполнила. Она изменила. И Россия в конце 19 века изменила, за что и пострадала.

В 20 век русский характер перехлестнул двумя руслами – Маргарита и Аксинья, кому что больше нравится.

Во время отечественной войны все они и Татьяна, и Анна и Маргарита и Аксинья пошли работать на оборонный завод – все для фронта, все для победы. Был возможен один жанр отношений меж полами: жди меня, и я вернусь.

Потом мужчины вернулись домой, и началась нормальная жизнь – запои, измены...

Во второй половине 20-го века пытается возникнуть новый женский характер – деловая партийная дама, бизнесвумен, и в конце-концов вот на чем останавливаемся – писательницы. Это новый женский тип, вариант абсолютной самодостаточности.

♦ «Она чуть было не получила воспитание», – «Бесы».

♦ «Церковь должна идти в ногу со временем». Церковь должна идти в ногу с вечностью. В мире, где все и так предельно динамично, должна быть влиятельная организация, которая принципиально консервативна.

♦ Какая деталь корабля абсолютно необходима? Ни паруса, ни бочка с водой, ни пушки – якорь.

♦ Самодурство – творчество самовластных.

♦ Беженцы из лагеря беженцев.

♦ Слуги в жизни хозяев разбираются лучше, чем хозяева в жизни слуг.

♦ Газ есмь царь.

♦ Два вида редактуры. Можно подровнять ногти, можно подровнять пальцы.

♦ Современные патриотические историки злобно сносят авторитет Рюрика, как основателя российского государства. Казалось бы, чего уж так, викинги шлялись тогда по всей Европе, от них натерпелись все: и франки, и англы, и даже сицилийцы, ничего стыдного в том, чтобы быть под давлением викингов нет. Ну, позвали варягов, как охранное предприятие по охране складов с товаром на известном шляхе «из варяг в греки», а те обнаглели в определенный момент, убили заказчика, влезли на правление, но потом неизбежное обрусение. Русь Китаем переварила охальников.

Потом я понял, в чем дело. О том, что Русское государство основано не русскими, нам назойливо напоминали опять-таки нерусские Миллеры, Шлоссеры, или как их там. А вот это очень злит. Ключевский неубедителен (хотя конечно очень убедителен), потому что идет после немцев.

♦ В Арденнах целые кладбища с черными фото на крестах погибших американцев. У американцев была сегрегация даже в армии. Черные и белые части. И хоронили раздельно, могилы черных не там, где могилы белых.

♦ Есть заповеди для человекoв, но нет заповедей для государств. Международное право, ООН это аналог уголовных законов, а моральных догм нет. Потому что Иван Иванович Иванов может попасть в царствие небесное, а Россия не может попасть в царствие небесное. Нет рая для стран. Человек и государство разные виды организмов, у них разные судьбы, физиологии, по-разному они производят потомство.

Ни одно государство не ставит целью своего существования – понравится другому государству, чтобы выйти за него замуж. Разве что Молдавия исключение. Сталин не боролся за звание лучшего друга поляков. Путин не борется за звание лучшего друга украинцев.

♦ Не Россия потеряла Украину, а наоборот. Можно продолжать ненавидеть москалей, только делать это придется за свой счет. Выплата алиментов закончилась. Украина половозрелая и уголовноответственная.

♦ Все дамы делают это, и все страны делают это. Не встречал ни одного армянина, который бы стыдился Тиграна Великого, когда Армения была от Каспийского до Средиземного моря. Ни одного литовца, стыдившегося факта существования Великого княжества Литовского.

Психики стран сконструированы сходно, все хотят отхватывать, глотать и так далее. Но далеко не у всех есть возможность.

Хорек не бросается на лошадь, не потому что добрый.

♦ Вернули Крым. Они смеют недовольствоваться. У заболевшего человека, человек ловкий и бесстыжий забрал чемодан, пользуясь его слабостью. Когда больной пришел в себя и протянул руку, чтобы забрать свое, – визг: – Грабят!!!

♦ Какой-то помощник Коломойского не сдержался: «Обещайте им все, а вешать будем потом». Помимо того, что это омерзительная мысль, это одновременно очень конструктивная идея. Спасти Украину можно было двумя фразами с трибуны Рады 22 февраля 2014 года: «Крым – конституция 92 года, одновременные выборы президента Крыма и Украины 25 мая, выборы губернаторов, русский язык государственный». И все, Донбасс помалкивает, крымские политики вцепляются в горло друг другу ради такого куска, и ни о каком вмешательстве России не может быть и речи.

А вешать потом.

Но для этого надо быть Маккиавелли, чтобы провести в жизнь такую программу. Хохлы хотят всего и сразу. Они забывают, что вешать и рассуждать о вешании, два совершенно разных «удовольствия».

♦ Алексей Федорович Лосев, очень старый, слепой, с куском шоколада: «Чем дольше я живу, тем более сомнительными мне кажутся факты и даже цифры, а вот вспоминаю, нашу домовую церковь, мама наливает стакан молока, вечереет», – такое острое, безусловное переживание жизни. Прощай математика, низменная реальность.

♦ Джойс пишет Фрэнку Баджену: «Столкнулся с тем, что автора сего письма украдкой противопоставляют некоему ничем не примечательному господину – Марселю Прусту. Я прочитал несколько написанных им страниц. Особого таланта не заметил».

Широко известно, что А. Жид или даже его клеветы про Джойса: «Как маэстро (Жид) мог одобрить роман, начинающийся с наречия». «Давно я уже...»

Знакомые французы довольно часто противопоставляют Прусту Алена-Фурнье, его роман «Большой Мольн», мол, все, что есть в бесконечной снотворной саге легко уместилось у гениального Фурнье в пятнадцатилистный роман. А потом парень пошел на войну и погиб году в 1915. В русской литературе погибший всегда был бы предпочтен выжившему. Хотя, впрочем, за Пруста говорит его тяжкая астма, тоже немало.

◆ Тайвань и Формоза.

Два путешественника, вернувшись домой, допустим, в Англию, описывают соотечественникам красоты острова, где побывали. Потом ссорятся, и следующим шагом ссорятся и их вымышленные острова, но вруны так талантливы, что начинают вербовать сторонников каждый в свою армию добровольцев, чтобы ехать защищать свою выдумку от опасности нападения со стороны другой выдумки. Собственно с Испанией в 1936 году так и было. И только потом выясняется, что имели они в виду один и тот же остров, только описания слишком разнились.

Жаль, что получится опять или антиутопия, или памфлет.

◆ Если Литвиненко умер от полония, почему Польша не под вопросом?

◆ Слабонервные и сильно нервные – одно и то же. Так же как «жизнь после жизни» и «жизнь после смерти».

◆ Считается, что изобретение стремени сделало революцию в военном деле, возникло рыцарство.

Изобретение корабельного руля на оси, сделало возможным плавание через океаны. В античности корабли управлялись двумя веслами на корме, что не давало возможность даже парусным судам ходить галсами, то есть против ветра и бороться с течениями. Поэтому ни о каких океанских плаваниях в античности не могло быть и речи. Только каботаж, имея в виду постоянный вид берега.

У викингов руля еще не было, так что попасть в Америку через Исландию с помощью течения или ветра они могли, а вот вернуться вряд ли. Поэтому Америку они, может, и открыли, но рассказать об этом не смогли. А может, просто и не поняли, что открыли. А может, никто не захотел их слушать.

◆ Рукописи не горят, а книги горят.

◆ Второе возвращение со звезд. Лем все испортил. Герой возвращается на Землю после длительного путешествия. На земле добились вечной жизни для организма, рай обретается не через смерть, люди стали плоскими настолько, что вернувшийся к ним явный середняк во всех отношениях, становится среди них великим художником, певцом, поэтом, умея срифмовать кровь-любовь, нарисовать человечка – ручки, ножки, огуречик.

◆ Советскую литературу можно изучать как античную – конечное количество текстов.

◆ Архимед: Дайте мне инсайдерскую информацию, и я переверну мир.

- ◆ Красота очень измучает мир, прежде чем спасти.
- ◆ Критика – последнее прибежище интеллигента.
- ◆ Вот немцы: представители всех народов размышляя успокаиваются, а немцы размышляя возбуждаются.
- ◆ А Невзоров – он как-то сделал передачу об интеллектуализме лошадей – взял бы перед тем как писать то, что он пишет о политике, посоветовался с теми из своих лошадок, что поумнее.
- ◆ Ярош публично поздравил своих сторонников с тем, что армия бандеровская впервые перешла Днепр. Если сдуть пену претенциозности, то что в смысловом остатке – признание, что левый берег Днепра никогда не был украинским, и Ярош просто признается, что прибыл на эту сторону реки как завоеватель.
- ◆ Самое сильное название романа в мировой литературе – «Бедные люди». Даже если взять только имущественно-социальный план, это уже мощно, большая часть человечества. А если шире, если вообще, это главная характеристика нашего вида, только взгляд откуда-то «оттуда» может так определить род людской.
- ◆ Робеспьер ненавидел атеистов. Для него за всем, что тут на земле происходит присматривает какое-то высшее Существо. Видимо нечто похожее на Бога Спинозы, присматривает, но не вмешивается.
- ◆ Совет Наполеона брату Жерому: когда посещаешь некий город, присматривайся, возможно, тебе придется его брать.
- ◆ Революционер это Че Гевара. Особенно в тот момент, когда заявил, что отправляется в Сайгон, чтобы драться против агрессии Ханойского режима.
Кстати, В.В. Набоков, всю жизнь настаивая на своей аполитичности, не удержался пару раз от прямых высказываний в политическом духе. Одним из таких было приветствие в адрес Линдона Джонсона – какой Вы молодец, господин президент, что ввели войска во Вьетнам.
- ◆ С 1925 по 30 год в США было опубликовано 100 статей о Муссолини, и почти все восторженные, и лишь 15 о Сталине, и почти все неприязненные. Запад, в общем-то, примерял на себя Муссолини, а вдруг, а почему бы и нет! Сталин сразу был опознан как неприемлемое.
- ◆ Увы, Гюго, сказал Андре Жид в ответ на вопрос, кто крупнейший писатель Франции. Гомбрович высказался в том же духе о Сенкевиче. Он видит все слабости Сенкевича, но при этом признает – именно он центральное и главное в польской литературе, со своей Трилогией. Пишет плохо, но все равно он Сенкевич и все.
У нас Бунин носился на старости лет с той же, в общем-то, мыслью – вот дайте мне только «Анну Каренину» в руки, и я из нее выстругаю то, что положено. То есть подлинныи гении совершают какие-то профессиональные прегрешения перед набором правил, придуманных для своего цеха «мастерами». Толстому никогда бы не пришли в голову мысли Бунина, а пришли бы, он на них не обратил бы внимания.

♦ Гомбрович – поляк без Польши. А кому нужен поляк без Польши? Это «польский сантехник», он всех только раздражает.

♦ Воспитание детей надо начинать с воспитания родителей.

♦ Много лет гуляю по Арбату, и там есть такой проулочек, на кирпичной стене намалеваны лозунги в честь Цоя, и там, почти всегда, толчется какая-то нестройно запевающая молодежь. В основном «Звезда по имени Солнце», «Группа крови на рукаве». И так десятилетиями. Я себе представил – люди выросли, потом состарятся, а у них нет ничего кроме Цоя. Сам по себе Цой очень даже, и он вроде ни в чем не виноват... Но оказавшиеся у него в вечном плену они и не хотят вырваться из своего проулочка, из этих звуков, этих слов, им даже остальной Арбат чужд и не нужен. Что говорить про остальной мир.

♦ На стихи Пушкина сочинено с десяток романсов, или около того, с Лермонтовым та же картина. Даже у Есенина поется ничтожная часть текстов. А вот у Поперечного двести песен. Вообще настаивание на «песенности» стиха страшное искажение смысла поэзии; настоящие стихи заключают в себе в гармоническом единстве и музыку, и слово, и много чего еще. Подкрепления гармошкой или гитарой им не нужно.

Ужас охватывает, если представишь, что русская поэзия удовлетворилась бы Кольцовым и Никитиным, хотя сами по себе, они вполне полноценны. Если бы удовлетворилась, не было бы в дальнейшем ни Гагарина, ни Жукова. Народ Кольцовых – народ батрак, его надо жалеть, каяться перед ним, ценить как вид добрых и полезных не вполне вменяемых животных, и сейчас разного рода ча-стушечники Сорокин, Фокина их продолжатели несчастные.

♦ Старосветские помещики. Пульхерию Ивановну и Афанасия Ивановича обкрадывали понемногу все, ключник и т.п., а хозяйство цвело. После их смерти явился современный менеджер, разъезжает по ярмаркам, приценивается, не даст обмануть себя и на копейку, обдумывает усовершенствования, а имение пока пошло прахом.

♦ Сказка о разборчивом леопарде.

♦ Молодость: когда бутылки были большими.

♦ Профессор Преображенский хуже даже Швабрина. Как минимум убийца. Если бы не его «торговля органами», криминальная операция на пару с Борменталем, то в жизнь продолжилось бы семя Шарикова, машинистичку то именно Полиграф закадрил (по крайней мере, так в фильме), и она бы ему родила. Профессор с подручным исполнительным Борменталем прервали новую линию развития человечества.

Преображенский отвратителен еще своим самодовольством. Держит за яйца власть – отсюда его феерическая смелость, легко посылать ефрейтора, когда на твоей стороне генерал. Торгует органами в самом прямом смысле слова.

Профессор Преображенский – Вы творец! Кричит экзальтированная институтка. Не фигу себе творец, сотворил, да, новый род человеческий, но тут же его и прикрыл. Абсолютная пародия на творца, обезьяна Создателя. А кто у нас наделен этими обозначениями?

♦ Некая певица Вероника Долина из Франции отвечает интервьюеру на вопрос чего бы она хотела от России – прекращения Православия, самодержавия и соборности. Все же постеснялась сказать – народности. Интересная конструкция психики, для того, чтобы мадам Долину устраивала страна – необходимо в этой стране выкорчевать все, что является в ней самым важным, самым особенным и существенным. Тогда мадам Долина зевнет и махнет платочком – нехай, пусть живет.

Ну, уж договаривай – народ бы заменить, не оригинально и многие отваживались. Да, бесполезно. Как сказал поэт один – народ таинственный и жуткий, он отрастает, как щетина, из-под земли на третьи сутки.

Так и будет.

Не будет полного счастья долинскому сердцу. Никогда.

Что вам не нравится во Франции – все хорошо, да только французов много-вато, Париж какой-то ... носятся со своим... А Кавказ? Все бы ничего, да вот горы там...

♦ Будущее не может иметь словесного выражения, только символическое, так учит Апокалипсис.

♦ Ритуал ни вода, ни ребенок, он – корыто.

♦ Торжественная комедия – любой съезд любой партии.

♦ Не надо, чтобы кризис кончался, а то вдруг он предсмертный.

♦ Отдайте Гамлета славянам. Болгарский слон лучший друг ... Перун младший брат Одина. Русское язычество провинция западного язычества.

♦ Нельзя дважды пережить вдохновение по одному и тому же поводу?

♦ ЖЗЛ – вранье о реальных людях, беллетристика – правда о вымышленных.

♦ Гитлера каждое утро голого будут гнать к газовой камере.

Проектировщик МКАДА вечно будет стоять на съезде с трассы Дон на Окружную в семь вечера.

Алексей Герман будет всю вечность смотреть фильм – «Трудно быть Богом».

♦ Англиканская церковь шагает в ногу с британским обществом (женщины – епископы). Редко услышишь более дикую мысль. Откуда уверенность, что общество шагает как надо, куда надо и с нужной скоростью? Вся литература, вся серьезная аналитика ставят один диагноз – общество болеет. Церковь – больница, так почему же надо радоваться, что эпидемия проникла и в больницу!

Почему женщины не священники? Очень усугубляют. Бог сказал: «Не ешьте плодов с древа». – А Ева в выпрессенном сердце своем решила, что нельзя даже прикасаться к этому дереву. И когда увидела змея – тут же поняла – прикасаться можно. А, значит, и есть плоды, в общем, безопасно. Бог обманул! Надо ему ответить. С помощью обманутого мужа. Тут еще и хитрость, не сама цапнула яблочко.

В храме, где правят женщины, часто возникает невыносимая атмосфера. «Приходские ведьмы».

◆ Очередной обман слуха – конкурс русской поэзии в Израиле – «Арфа Давида». А мне слышалось – Афродавида. Негры-иудеи, пишущие стихи по-русски, это было бы забавно.

◆ В очередной раз в телевизоре Наталья Иванова, Войнович, Ципко и какие-то еще тащат Гроссмана в первый ряд российской словесности. Какое-то иррациональное (или, наоборот, очень рациональное) упорство. Автор, ну никак, в этот первый ряд не встает. Кто у нас в первом ряду из прозаиков? Шолохов, Платонов, Набоков, Булгаков, возможно, Горький – смешно ведь настаивать, что Гроссман им ровня. А второй ряд? Алексей Толстой, если мы не взяли его в первый, Ильф и Петров (многие будут возражать, а зря), Замятин, Бабель, Добычин, Вагинов (если кто-то этих двоих не знает, стыдно!), Довлатов, Шукшин, Катаев. Третий: Серафимович, Симонов, Астафьев, Конст. Воробьев, А. Грин, и сразу тут же, между Беловым и Распутиным – претендент Гроссман. «Жизнь и судьба» в одном ряду не с «Тихим Доном», а с «Канунами». По степени антисоветскости, столь любезной зычным либералам, Белов, думаю, не только не уступит лауреату Сталинской премии, а и превзойдет. Вообще, удивительно, как такая свободная, смелая книга могла выйти в период густой советской власти. Текст Гроссмана по общему колориту грязно-серый, нудный, и даже в этом близок к «Канунам», тоже ведь не прожужеешь.

◆ Премия Геббельса – многодетным политикам. У него было пятеро детей.

◆ Леди Гага – матушка гусыня.

◆ В белом плаще с кровавым подбоем, стоя у стены в ожидании расстрела, я к Вам пишу стихи о прекрасной даме с собачкой.

◆ Первым появился иудаизм, потом христианство, потом ислам. Так в глобальном варианте, но не то в России. На российском древе все три авраамические ветви выросли одновременно. Владимир крестил Русь, когда уже всюду цвел хазарский каганат и колосилось мусульманство в Булгарии. Причина появления многих эксцессов развития на территории России – эта ненормальность одновременного рождения у нас того, что должно наследовать друг друга.

◆ Нынешнее горение ислама соответствует примерно, плюс-минус, времени захвата иудеями Палестины и крестовым походам христиан. Все религии развиваются во времени примерно по одной глобальной формуле. Перегрев ислама неизбежен, и неизбежен его перегрев именно к настоящему моменту.

◆ Талант не выносит объятий.

◆ Тоскующий пьет до дна.

◆ Я подумал и испугался.

◆ Самую известную глупость последнего времени сказал Френсис Фукуяма – «Конец истории» называлась его книга, и очень скоро всем стало ясно, что никакого «конца» не просматривается, а, наоборот, исторический мировой суп опять начинает закипать. Над Фукуямой стали насмеяться все кому не лень. На-

смеяться вообще легко, все тыкали пальцем в Фукуяму – ну, ляпнул. Но, если вдуматься, это словосочетание стало одним из самых известных за несколько десятилетий. Мысль совершенно неверная сделалась политологическим шлягером. Сколько есть мыслей и концепций куда более здравых и мало кому известных. Ляпнув глупость, Фукуяма обрел славу и заставил миллионы умов вращаться в орбите этой глупости. Закрадывается мысль – а если таков был его замысел, если он предвидел, что будет так, тогда получится – Фукуяма мудрец. Только подлинный гигант мысли, способен подняться до глупости такого уровня.

♦ У Пушкина тут спросили, как он относится к тому, что Нобелевскую премию по литературе дали Светлане Алексиевич. «Над вымыслом слезами обольюсь», – отвечал Пушкин.

В мае 2016 года отмечает:

60-летие

Карл ЕРНАЗАР, поэт

Багат КАРБОЗУЛЫ, прозаик, литературовед

Райхан МАЖЕНКЫЗЫ, прозаик

Михаил НЕМЦОВ, поэт

Кайыммунар ТАБЕЕВ, прозаик

Сабырбек ТУРЛЫБЕК, поэт

Оразалы ЖАКСАНОВ, прозаик

70-летие

Султанали БАЛГАБАЕВ, драматург

Дандай ИСКАКУЛЫ, критик

80-летие

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт

Маткерим АКИМЖАНОВ, переводчик

Шарбану КУМАРОВА, прозаик

Редакция журнала «Простор»

сердечно поздравляет юбиляров!

